

Агентство «Глория»

Фридрих Незнанский

Тройная игра

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Тройная игра / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Агентство «Глория»)

При загадочных обстоятельствах погибает известный бизнесмен Разумовский. Проведенное расследование называет причиной смерти несчастный случай. Однако близкие к Разумовскому люди, знающие, какие вокруг него сгустились в последнее время тучи, считают, что предприниматель был убит. Они обращаются в частное детективное агентство «Глория», и сыщики во главе с Денисом Грязновым начинают распутывать клубок криминальных хитросплетений, раскрывая истинное лицо погибшего – агента спецслужб и одновременно вора в законе.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	9
3	13
4	15
5	17
6	24
7	30
8	36
9	41
10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Фридрих Евсеевич Незнанский

Тройная игра

Часть первая

1

Леночка Изварина летела на работу, как на праздник; летела с ощущением, что сегодня – ее день, что сегодня будут сбываться все ее самые заветные желания.

Во-первых, сегодня фирма получала партию сырья, которое должно было сразу попасть в новый цех, только что пущенный ее боссом в Химках. Но главное, что это был не просто цех, не цех вообще, а как бы новое предприятие, открытое фактически по ее, Леночкиному, предложению. Так что для нее сегодняшний день готов был вот-вот превратиться в день ее триумфа. Во-вторых, этот триумф был нужен ей нужнее всего на свете, потому что Леночка влюбилась в своего босса, и ей так хотелось, чтобы он наконец заметил ее по-настоящему, а не просто как смазливую юную девчущку, бросил бы на нее восхищенный мужской взгляд и сказал бы себе: «Да, это она, моя судьба!»

Девчоночья глупость, скажете? Как знать, как знать...

Она попала сюда, на фирму, год назад, когда мебельные магазины «Милорд» уже начали разворачиваться по-настоящему, превращаясь в современные супермаркеты, торгующие всем тем, что надо для нормальной красивой жизни бывшим советским гражданам, почувствовавшим, что такое достаток.

Год назад, когда она кончала знаменитые мидовские курсы секретарей, ее, в числе немногих отличниц, вызвали в учебную часть для получения распределения. Веселая Алла Ивановна, зав. учебной частью – девочки звали ее тетей Нюрой, заговорщически подмигнула Леночке.

– Не место тебе даю, а мечту! Главный офис фирмы «Милорд». Слышала небось? – Кто ж не слышал про этого самого «Милорда», если его рекламой был обклеен, кажется, весь город. Особенно впечатляли огромные придорожные плакаты-постеры. – Будешь помощницей гендиректора. Зовут Игорь Кириллович Разумовский. Мужчина, по моей информации, в самом соку – еще не старый, холостой, с парашютом прыгает, хобби у него такое. Так что тебе, девка, все карты в руки. Замуж выходить будешь – не забудь пригласить тетю Нюру...

Лена не покраснела, не засмушалась. Она давно уже для себя решила: всякие там мечты о принцах – это полная ерунда. Жизнь – она и проще и суровей, и надо не ждать исполнения каких-то детских мечтаний, а брать то, что она, жизнь, реально предлагает. Конечно, специально она шефу глазки строить не будет, она не какая-нибудь там... Но если у него возникнет серьезный интерес – почему бы и нет? В монашки она не записывалась, и вообще – не вечно же ей сидеть в секретаршах, верно? Девчонки из ее класса все рвались после школы в институты, а она сама нашла эти секретарские курсы, сама, без всякой помощи на них поступила, кончила на одни пятерки, за что и попала под распределение. Если это просто везение, то она его, извините, заслужила: она умела стенографировать, печатать со скоростью 150 знаков в минуту на двух языках, знала компьютер и делопроизводство, чем даже гордилась, хотя прекрасно понимала, что одни эти таланты вряд ли помогут устроить ей жизнь в будущем.

Конечно, в школе у нее были и мальчики, и всякие там танцы-шманцы-обжиманцы, как смеялась ее бойкая подружка Маша, но далеко заходить она не позволяла ни себе, ни мальчикам, в отличие от других девчонок, смотревших на эти вещи совсем просто. Что-то оста-

навливало ее перед решительным шагом, заставляло даже мучиться своей несовременностью. Но что ж поделать, если ей хотелось чего-то серьезного, настоящего, а не просто... как у собачек... Все-таки любовь – это любовь. Она пока еще довольно смутно представляла себе, что это такое, но ее небольшой опыт свидетельствовал, что случайный и без особых чувств контакт с существом противоположного пола изначально не сулит ничего хорошего. Она от мальчиков, что называется, бегала. Но, довольно часто ловя на себе их заинтересованные взгляды, знала, что, если ей надо будет, без них не останется.

Лена довольно рано поняла, в чем ее женская сила. Сначала она думала, что ее фигура – это ее несчастье, а оказалось, что как раз в ней, в фигуре-то, и заложен ее фирменный шарм: даже когда в моде был мужеподобный силуэт, когда все носили широкие плечи, она, наоборот, как бы назло моде подчеркивала свою субтильность. Она вообще не любила девчонок, похожих на мальчиков, – широкоплечих, матерящихся, резких, курящих, сплевывающих то и дело себе под ноги. Женщина – она должна быть женственной – вот что всегда помнила Лена. Оттого и стиль у нее был такой: она носила обтягивающие джемперочки, и получалось чудо что такое: хрупкие узкие плечики, слабенькая грудная клетка – и настоящая, не девчоночья грудь, доставшаяся ей с мамиными генами. Молодая, упругая, она задорно стремилась отвоевать свое место под трикотажем. И это сочетание: узкие плечи, хрупкая грудная клетка и по-женски зрелая грудь – рождали некий сексуально-трогательный образ, который и притягивал к ней мужские взгляды. И еще она знала одно: стоит ей немного пригорюниться, как сразу у мужиков рождается ощущение, что они должны ей немедленно помочь. Даже она сама, проверяя это и глядя на себя в зеркало, видела перед собой существо, которое нуждается в защите и поддержке. По натуре девушка веселая, жизнерадостная, она иногда пользовалась этим небольшим обманом, хотя, вообще-то, прекрасно могла обходиться и без защиты, и без поддержки, – слава богу, выросла в Орехове, в огромном, сравнительно юном спальном районе столицы, где молодежные нравы – ого-го какие! И, надо сказать, этот имидж хрупкой, беззащитной барышни еще ни разу не подводил ее. Не подвел и теперь: шеф, Игорь Кириллович, сразу начал относиться к ней с какой-то особой, вовсе не служебной теплотой. А уж она-то...

Положа руку на сердце, он был ей ужасно интересен с самого первого взгляда. Начать с того, что он казался ей похожим на Штирлица, не лицом, конечно, хотя немного и лицом тоже – оно у него было тонкое, интеллигентное. Лицо много думающего, много работающего головой человека, которому неведомы черные помыслы. Кроме того, было видно, что он силен физически, к тому же он был аристократично седоват, носил костюмы, сидевшие на нем, как вторая кожа, – и костюмы были хороши, и фигура, которую они так изящно облевали. Но окончательно ее сразило то, что неосознанно проникает в самое сердце многих женщин, – его голос. Глубокий, грудной, по-мужски низкий, богатый обертонами голос, на звук которого отзывалась каждая клеточка ее существа...

Вскоре она уже ужасно ревновала его к женщинам, которые так и липли к Игорю Кирилловичу. Особенно она ненавидела одну – яркую, шумную эстрадную певичку, знаменитость между прочим, посмотреть на которую сбегались чуть ли не все остальные сотрудники. Нежная Лена просто зубами начинала скрипеть, когда эта Долли по-хозяйски врывается к ним в офис в своих дорогих шубах, вся, как елка, увешанная драгоценными побрякушками. Никогда ни стесняясь, ни на кого вообще не обращая внимания, она хозяйски завладевала Игорем Кирилловичем, плотоядно при этом облизывалась, как мартовская кошка, и тогда только и слышно было: «Игоряня, то, Игоряня, се!» Лена видела, что шеф чувствует себя неудобно, что он пытается вырваться из лап этой бесцеремонной хищницы, но почему-то делает, как казалось ей, недостаточно энергично. Даже дома, когда она видела эту Долли Ласарину по телевизору, она с ходу переключала программу к великому неудовольствию отца и брата. Они жили вчетвером (в одной комнате она с матерью, в другой – отец с братом) в такой крохотной квартирке, что, если кто-то включал телевизор, его невольно приходилось если не смотреть, то слушать

всем остальным. Может быть, еще и поэтому она чуть не с детства мечтала выйти замуж и уехать от отца с матерью, а особенно когда вернулся из армии комиссованный врачами братец, у которого от армейской науки поехала крыша...

И конечно же Игорь Кириллович не знал, а она знала, насколько для нее серьезно было его присутствие в ее жизни. Он-то как раз и стал ее принцем, ее первой любовью, ее, если угодно, первым мужчиной. Лена не раз представляла себе, томясь ночью в постели и стараясь не слышать застрявших у телевизора брата с отцом, как она ложится с ним и он ее обнимает и нежно гладит... везде-везде, даже там, где совсем стыдно... И краснела в темноте от этих своих желаний. Но днем и вида не подавала, какое пламя бушует у нее внутри, упаси боже. По крайней мере, ей так казалось, что не подавала. А про себя думала даже на работе: «Когда я выйду за него замуж...» Она уже как бы и не сомневалась, что выйдет за него. А когда выйдет, тогда у нее будет не только самый замечательный на свете муж – у нее будет и нормальная квартира, и такие же шубы и побрякушки, как у этой отвратной Долли, и спокойный уверенный взгляд, как у еще одной пассии ее Игоря Кирилловича, которую звали Анной Викторовной или Нюсей. Эта стриженная под мальчика крашеная блондинка не блистала особо красотой, но удивляла Лену замечательно умным взглядом, сразу подмечавшим все. Лена ее глаз даже побаивалась – казалось, Нюся читает ее душу, как книгу. А порой в них прыгали смешливые искорки, которые, как казалось Лене, тоже имели отношение только к ней одной. Вот поди ж ты – и не очень красивая, и одевается как-то не очень женственно, а выглядит всегда почему-то притягательно! Эта всегда старалась подчеркнуть, что у нее с шефом чисто деловые отношения. Но и другие отношения тоже были – это Лена больно чувствовала всем своим существом, хотя в душе была уверена, что все эти Нюси и все эти нюансы абсолютно неважны, потому как они – всего лишь до поры до времени. Когда она будет его женой, эти бабы отпадут сами собой, у шефа в них не останется никакой необходимости...

В том, что так и произойдет, она не сомневалась нисколько, тем более что у нее уже был даже заготовлен план покорения Игоря Кирилловича. Как, спросите, это можно сделать в ее положении простой секретарши? А демонстрируя деловую хватку – вот как.

Она начала мягко внушать ему, когда это удавалось: нельзя рассчитывать только на спрос богачей или на офисную мебель, надо ориентироваться на среднего покупателя, который тоже хочет жить красиво. А может, давайте сами делать корпусную мебель? Нужно-то ведь не так уж и много. Найти готовый цех – в Шатуре, на Сходне или в самой Москве, скажем на Ольховке; еще нужна компьютерная программа – а такая уже существует, Лена сама ее видела на одной из выставок, – взять все это и предложить рынку совершенно новую услугу. По желанию заказчика с помощью компьютера делается проект мебели – одного ли предмета, целого ли гарнитура, – которая встает точно по месту: на кухне, в прихожей, в альковной нише в спальне. И в итоге покупателю предлагается штучная, специально для него сделанная мебель из стандартных деталей, которые, имея производственные-то мощности, можно будет подогнать или даже изготовить самим. Что-то вроде детского конструктора, из которого получится почти элитная мебель...

– Сама придумала? Очень неглупо, детка. Но наш бизнес – импорт и сборка иностранной мебели. На большее мы не претендуем. Сама подумай, зачем нам лишняя головная боль, когда мы и так с прибылью...

– Но ведь надо же думать о будущем! – вырвалось у нее. И тут же, подумав, что, наверно, обидела его этим возгласом, добавила: – Вы же такой умный!..

– Ну хорошо, хорошо. Я умный, и я подумаю. Может быть, специально для тебя, чтобы ты убедилась, что все это в той стране, в которой мы сейчас живем, – пустое дело... Увы, в сегодняшней России лучше всех живут не производители, а перекупщики и посредники... Такой вот у нас капитализм. Как сказал один умный человек, построили тот капитализм, про который читали в своих учебниках: загнивающий...

И вот сегодняшний день вполне мог стать днем ее триумфа, поскольку может дать Игорю Кирилловичу возможность убедиться в правоте ее слов и в том, что она нужна ему, как не нужен никто другой...

2

Между тем, не догадываясь об этих грандиозных планах своей секретарши, Игорь Кириллович Разумовский, мужчина в самом расцвете сил и преуспевающий бизнесмен, начал день как обычно. Ощущая свою человеческую значимость, сделал традиционную зарядку – поддерживал человек в форме члены и органы, заставлял их быть по-молодому гибкими и быстрыми, а заодно тревожил все порывающийся завязаться жирок. Даже не подозревая, что сегодняшнее утро внесет роковые изменения в его устоявшуюся в последнее время жизнь, он подъехал к девяти в свой офис на Басманной. На ходу поздоровавшись с Леночкой, пошел было к себе в кабинет, но, словно вспомнив что-то, передумал, вернулся к ее рабочему месту, чтобы немного по недавно возникшей привычке постоять рядом с ней, побалагурить.

Леночка была очень молода и очень хороша собой и своей предусмотрительной, чуткой исполнительностью просто располагала к такому немного игривому общению. А главное, в такие минуты Игорь Кириллович ощущал себя если не господом богом, то существом, ему родственным: ведь ему все удавалось, даже осчастливить такое юное существо, как его секретарша. Чувствовалось, что и ей приятно его мягкое покровительственное отношение – он не приставал, не делал никаких неслужебных намеков, а просто давал понять, что, если она будет хорошо работать, стараться, она достигнет очень многого... И она старалась – вот он пришел сегодня на пять минут раньше (как, впрочем, всегда в те дни, когда прибывает груз), а она уже сидит на месте, работает на своем громоздком компьютере.

– Игорь Кириллович, а мы что – теперь и кино будем снимать? – спросила Леночка, передавая ему стопку свежей почты.

– Кино? – удивился он и бросил взгляд на протянутые ею бумаги – так и есть, сверху лежал конверт с грифом «Видео-холдинг», бесхозные акции которого он удачно приобрел на неделе. – Может, и кино, – ответил он Леночке, отметив при этом, каким огнем счастья и надежды зажглись ее глаза. «Ах, какая прелесть, – подумал он про себя. – Девчушка, одно слово... Вишь как встрепенулась при слове „кино“...»

И тут он услышал, как затрезвонил у него в кабинете прямой телефон – Игорь Кириллович специально позаботился в свое время о том, чтобы у каждого из его телефонов был собственный голос. Он взглянул на часы. Официальный рабочий день еще не вступил в свои права, отчего Игорь Кириллович не побежал, как сделал бы обычно, к своему аппарату, а пошел нормальным спокойным шагом. В конце-то концов, хозяин он сам себе или не хозяин? И тут же укорил себя: неужели он не хочет спешить только из-за того, что ему, старому черту, приятнее постоять подольше около юного существа, вдыхая такой нежный, такой щемящий Леночкин запах – запах девственно чистого тела, молодого здоровья и чего-то еще, что необыкновенно будоражит кровь. Он расслабился, и это было плохо – звонок мог быть связан с прибывающими сегодня фурами, а он позволил себе отвлечься. «Да ладно тебе, – ответил он невидимому укоряльщику, – будем считать, что это еще один вид утренней зарядки». Но шаг ускорил, поднял разрывающуюся трубку на четвертом или пятом звонке...

Он узнал звонившего по первым же звукам голоса, по первым же словам, хотя никогда не говорил с ним по телефону. Узнал и не поверил – это событие уже само по себе выглядело невероятным. Дело в том, что звонок этот был связан с той стороной жизни, которую Игорь Кириллович, как мог, таил от всех, – звонивший был известным уголовным авторитетом по кличке Никон. Этот Никон когда-то председательствовал на сходке, короновавшей его, Игоря Кирилловича, то бишь афериста по кличке Грант, в воры в законе, и звонить сейчас никак не мог, поскольку должен был в данный момент отбывать наказание в окрестностях далекого уральского города Серова, в колонии строгого режима. А из такой колонии, как известно, не то что позвонить – письмо на волю отправить и то целая проблема.

«Ну ты чего, Грант, – услышал он, – трубку-то не берешь? Небось все секретарш шупаешь?» – И звонивший заржал невыносимо, как показалось Игорю Кирилловичу, гнусным, невозможно издевательским смехом – как будто и впрямь уловил момент той слабости, что минуту назад проявил Игорь Кириллович, стоя подле Леночки. Даже не поздоровался, сволота такая. И хотя Разумовский должен был по идее обрадоваться звонку крестного своего папаша, он ничего не мог с собой поделаться, побороть себя – звонок для Игоря Кирилловича был невыносим. Не только тем, что разом опустил его на землю (какой ты бог и хозяин жизни, раз кто-то считает себя вправе так с тобой разговаривать!).

Это был звонок из другой жизни: там, в той жизни, Игорь Кириллович значился не респектабельным добропорядочным бизнесменом, которым он хотел бы себя считать, а уголовным авторитетом, имеющим реальную власть над несколькими преступными группировками, судимость и даже титул «смотрящего» над доброй половиной столицы. И власть эта, увы, была палкой о двух концах: он имел власть над преступным миром, но и преступный мир, как показывал хотя бы этот звонок, имел над ним свою власть...

При всем при том слышно Никона было так, словно он находился в соседней комнате, и Игорь Кириллович вместо выражений радости спросил осторожно:

– А это... ты где? Откуда звонишь-то?

– Где? – засмеялся Никон. – В Караганде!.. Ну где я могу быть? Все там же, у хозяина на нарах парюсь... Как ты понимаешь, я тебе не просто потрепаться звоню, Грант...

И сам этот звонок, и это второй раз употребленное «Грант» заставили сердце заныть от нехорошего предчувствия. Какого черта он звонит, если с той самой памятной сходки Игорь Кириллович его и не видел, и не слышал? То и дело называет кличкой... А если телефон подслушивают? Да он, этот звонок, может выйти таким боком, что и костей не соберешь! Но Никон, словно читая его мысли, сказал, видно среагировав на тяжело повисшую в разговоре паузу:

– Да ты не бойсь, не бойсь, я по спутниковому звоню, а у тебя подслушки вроде нету, как мне доложили... Да ты мне не рад, чё ли?

– Почему не рад, рад, – без всякой радости в голосе сказал Игорь Кириллович, – а только не зря же сказано: береженого и бог бережет.

– Ну это верно, – согласился Никон, который, как выходец из староверской семьи, и сам любил иной раз сослаться если не на бога, то на Писание. – А еще Екклесиаст говорил: три к носу, и все пройдет.

Это, стало быть, была шутка. Однако Игорю Кирилловичу было совсем не до смеха.

– Ну ты того, – не выдержал он, – ты говори, зачем позвонил-то. Если ты, конечно, по делу...

– Надо ж, как далеко, а сразу Москвой и здесь завоняло! Ну а если не по делу – я тебе что, и позвонить не могу?

– Да можешь, можешь, – вздохнул Игорь Кириллович.

– Эх, надо бы мне, мудаку, сейчас кинуть трубку, а я вот, видишь, терплю твой выпендрож московский. А все почему? Да потому что добра тебе желаю, как крестнику своему... Чего сопишь-то? Обратно, что ли, обиделся? Беда с вами, с интеллигентами... – И, враз перестав ерничать, заговорил вдруг вполне серьезно: – Я вот чего. Ты в курсе, что у тебя на таможне четыре фуры арестованы? Или пять... Сколько там их у тебя пришло? Но и это еще не все. Как я знаю, к тебе не сегодня завтра «маски-шоу» должны пожаловать. – Сказал и вновь соскочил на подтрунивающий, полуиздевательский тон: – Так что давай подмойся как следует... Как поется в той песне, разденься и жди...

Игорь Кириллович молчал, переваривая услышанную новость. Злорадство в голосе Никона он конечно же сразу увязал с недавним визитом Никонова посланца – приходил к нему с месяц назад солнцевский урка по кличке Кент, предложил вместе с мебелью возить наркоту.

Никто, мол, ничего не заметит – груз у Игоря Кирилловича сам по себе такой пахучий, что ни одна собака постороннюю контрабанду не учует. Игорь Кириллович выставил его – не хотел связываться с наркотой, какие бы деньги это ни сулило. Вообще не хотел больше криминала, хотел быть добропорядочным, законопослушным бизнесменом – при том, как он развернулся с мебелью, он уже имел на это право. Уголовщиной можно заниматься, когда у тебя счет идет на сотни или на тысячи баксов. А когда речь идет о миллионах, и ты сам, и дело твое переходят уже в совсем иное качество. Как и твои запросы к жизни...

Спросил, мгновенно прогнав все это в мозгу:

– А с какого хрена они ко мне-то? «Маски»-то эти. – Он нарочно подставлялся, желая, чтобы Никон сказал все открытым текстом: моих, мол, рук дело, ты отказался наркоту возить – так вот на тебе. Не зря все тот же Кент пообещал ему после той памятной встречи: «Ну смотри, бизнесмен, блин гребаный, испечем мы тебе рака!»

Однако, как ни странно, Никон и не подумал брать на себя вину или вновь поднимать разговор о наркоте.

– А с такого хрена, – ответил на вопрос Игоря Кирилловича его не очень приятный собеседник, – что нечего, я думаю, тебе было в этот, как его... в медиабизнес лезть. Понял теперь? Показывают, показывают вам по телику всякие неприятности с этим делом, а вы все лезете, словно мухи на говно... Если больше некуда деньги девать – пришли их лучше мне, понимаешь? Я им применение найду, будьте уверены! Ты ведь небось решил, что крутой стал, да? Ну вот тебе спецназ какой-нибудь справочку про это и выдаст. Так что давай-ка ты, Гарик, кончай всякие ля-ля разводить. Сейчас поговорим, повесишь трубку и с ходу начинай, пока не поздно, выгребать из сейфов наличку и что там у тебя еще... Из компьютеров что не надо вытащи, бумаги из конторы вывези, да что мне тебя учить-то! Ребята, по слухам, придут к тебе серьезные. Спецназ не спецназ, а бойцы из налоговой полиции – почти наверняка...

– Из налоговой? – не сумел скрыть удивления Игорь Кириллович. – Эти-то почему?

– А ты что думал, что мой Кент придет? – все же проговорился наконец Никон. – Я тебя умоляю! Во-первых, я бы тебе не звонил, а во-вторых, Кенту никакой спецназ не нужен. Кент так все сделает – ты и чихнуть не успеешь, как он тебя уже до трусов разденет!

– Да ладно меня на понт брать! – отмахнулся Игорь Кириллович. – Но раз уж ты там, в своем Мухосранске, все знаешь лучше меня – и про «маски», и про мои акции «Видео», ты небось в курсе, что они на меня повесить-то собрались. Известно это, нет?

– А почему ж не известно? Как я знаю, вся каша с подачи таможни заварилась: дескать, налицо обман государства, недоплата таможенных сборов. Что ж ты, друг ситный, государство-то обманываешь? Ай как нехорошо. – Никон снова издевался. – У тебя бумажки-то, ну документы, хоть в порядке?

– В порядке, – буркнул Игорь Кириллович. Поблагодарил нехотя: – Ладно, спасибо тебе.

– Подожди ты со спасибом-то. Ты все понял?

– Я все понял. Только, раз ты такой осведомленный, скажи уж мне, сделай милость, кто это на меня наезжает, а?

– Ну это ты, Игорек, жирно какать будешь. Тут ты давай сам, сам вычисляй. Но сухой буду – не я и не Кент.

– Ладно, спасибо тебе и на этом, – еще раз повторил Игорь Кириллович.

– Э, нет, брат, ты от меня «спасибом» не отделаешься. Спасибо, как говорится, в стакан не нальешь. Давай так: добро за добро, ладно? Я тебе помог, и ты мне помоги.

Игорь Кириллович закрыхтел. Ждал чего-то похожего. А куда ж денешься? Главное, разговаривал бы с кем другим – посулил бы чего-нибудь, чтобы только отделаться, и забыл бы про разговор через пару минут. А с Никоном так нельзя, Никон – мужик серьезный, да и руки у него вон какие длинные...

– Говори, чего надо, в чем помочь.

– Вот это по-нашему. А надо мне, чтобы меня к вам, в Москву, перевели, в Бутырку. По делу по моему это можно – пусть привезут на допрос к вам в свете вновь открывшихся обстоятельств. А то я видишь как далеко от главных событий... Да еще у меня тут с нашим губернатором не сложилось... того и гляди замордует совсем... Слышал, поди, про нашего губернатора? Про генерала-то бывшего? Большой физической культуры дядя. Сделаешь?

Вот это была задача!

– Да ты чего, Никон! Что я тебе – президент, что ли?

– Э, брось Муму трахать! Я ж знаю, у тебя в ментовке связи на самом верху есть...

– Да какие связи! – вякнул было Игорь Кириллович, но Никон не дал ему говорить:

– Про связи и ты знаешь, и я знаю. А если еще кто узнает – ну хоть Кент мой, – братва тебя тут же на ножи поставит, сам, что ли, не понимаешь? Ну и насчет всяких игр с таможней – тоже... Сегодня я тебя предупредил, а завтра никто тебя предупреждать не станет, соображаешь. Ну так как?

– Я постараюсь, – нехотя сказал Игорь Кириллович, – но обещать не могу...

– Постараюсь, если не обмараясь, так, что ли? – снова заржал Никон. – Постарайся, постарайся, а я буду ждать ответа, как соловей лета. А то меня тут, в нашем, как ты говоришь, Мухосранске, уже от тоски даже воши глодать не хотят.

– Сказал же, постараюсь.

– Стало быть, ты все понял? – все так же весело, но с едва слышной угрозой в голосе спросил Никон.

– Понял, не дурак, – снова буркнул Игорь Кириллович, нетерпеливо ожидая, когда наконец кончится этот разговор, и уже то и дело возвращаясь мыслями к обещанным «маски-шоу». Столько дел, которые он должен осуществить прямо сейчас же, едва положив трубку, столько дел!..

– И то верно, – снова издевательски подхихикнул Никон, – дурак бы не понял...

3

«Да нет, – подумал Игорь Кириллович, вешая наконец горячую трубку, – глупый-то, пожалуй, как раз сразу сообразил бы, что тут к чему. А вот умный... Умному есть над чем поломать голову, загадка на загадке...»

Когда-то, еще только по-настоящему разворачиваясь, он ухватился за эту идею: ввозить элитную мебель из-за рубежа. Спросите, в чем же сама идея? А в том, что с мебелью возможны, как говорится, варианты. Кому-то нужен «Чиппендейл», а кого-то вполне устроит и румынский ширпотреб, тем более что делается он из нашей же, пардон, из украинской древесины. Закарпатские сосна, бук, граб, орех – что может быть лучше и благороднее? Лучше и, может, благороднее были итальянская сосна или африканское красное дерево, но стоили они... Сколько такой мебели продашь? К тому же как цену ни задирай, а не окупишь даже накладные расходы, тем более что одна аренда помещений вон какая! Выход он нашел удивительно быстро, чем гордился до сих пор. А если быть точным, сначала нашел выход, а уж потом взялся раскручивать дело. Можно ведь ввозить не саму мебель, а комплектующие, а здесь, на родине, уже собирать. При таком варианте и ввозная пошлина несравнимо ниже, и цена на выходе – тоже. Может быть, немного страдает качество – но тут уж, как говорится, все в твоих руках. Были проблемы с производственными площадями, но и их он решил в свое время, даже не прибегая к услугам братков, с которыми поначалу был крепко повязан. Когда в 90-х все валилось и падало, имея деньги, можно было найти все, что угодно. И недорого, по-нынешнему – почти задаром. А деньги он тогда имел и был бы поглупее – уже десять раз растерял бы их на дефолтах да обменах дензнаков. Он не растерял и без проблем нашел себе и склады, и цеха для сборки в ближнем Подмосковье. Мало того что деньги сэкономил, так еще и местный народ осчастливил – работу дал, налоги в местный бюджет начал платить – ну просто вернул к жизни маленький старинный городок в верховьях Москвы-реки.

Дела шли замечательно, по крайней мере до тех пор, пока не появился у Игоря Кирилловича конкурент – конкурент наглый, напористый – сынок министерского генерала Толик Суконцев. И главное, сам же он его и вырастил, сам всему и научил... Настоятельно попросил однажды его папаша: возьми да возьми как бы в ученики, сделай из оболтуса человека. Вот он его и научил – на свою голову... То ли родился Толик таким, то ли пользовался тем, кто у него папаша, а только пер он, кукушонок, напролом, не боялся ни таможни, ни УВД, ни братков. Вскоре он ушел от Игоря Кирилловича и, видать, вдохновленный его примером, открыл свою фирму, начал ввозить дорогую мебель из той же самой Италии. Причем ввозил он действительно мебель, а цены у него при этом были ниже, чем у Игоря Кирилловича, чем у всех остальных! «Как, почему?!» – заволновались наивные менеджеры Игоря Кирилловича, многих из которых он на свои деньги обучил все в той же Италии. Дурачье, забыли они там, за границей, в какой стране им предстоит работать. Ларчик-то, оказывается, открывался просто: папаша Суконцев, губоповский начальник, корешевавший с высшими чинами Федеральной таможенной службы, еще раз поспособствовал развитию сыновья бизнеса, поспособствовал без затей, по-русски. Юный Толик просто-напросто недоплачивал таможенные пошлины, находился, так сказать, в режиме таможенного благоприствования, вот у него и получались цены, вполне сопоставимые с его, Грантовыми...

Так что вполне возможно, что вот теперь пошел юный Толик, а может и его папаша, ва-банк, решили совсем задавить конкурента, натравив на него таможню, судебных приставов, спецназ, а то и отцовский РУБОП. И, глядишь, был бы на его месте кто-то попроще, а не он, Грант, – уже сожрали бы его Суконцевы вместе с потрохами и даже не поперхнулись бы. Но это – хрен им в сумку, чтоб сухари не мялись. На каждую хитрую задницу, как говорят урки, всегда найдется свой... ключ... С винтом.

Итак, что он должен сделать? В первую голову – на таможеню, посмотреть на месте, как там и что, может, все это просто недоразумение.

Во-вторых, надо действительно срочно на всякий случай увести из-под удара всю документацию по ввозу мебельных полуфабрикатов и всякой там фурнитуры. То есть таможенные документы пусть будут, где были, – ввозные накладные, декларации, платежки и тому подобное. А вот всякие транзитные бумаги, бухгалтерию по сборке – это пока сунуть под ноготь. И учредительные документы – тоже. Их рубоповские любят арестовывать самым первым делом. Изымут – не сможешь потом работать, пока не вернут. Вот и хана фирме. И еще стоит подумать, может, есть смысл срочно двинуть свою телегу на Суконцева-младшего в таможенный комитет (дескать, почему вы закрываете глаза на обман государства – к слову сказать, на этот счет Игорь Кириллович, как знал, подсуетился еще раньше – материалы у него все уже были давно подобранны) и одновременно в Генпрокуратуру. Вот тогда пусть генерал Суконцев попробует хоть что-нибудь сделать, учитывая, что сынок-то у него, говоря по-советски, с червоточинкой... Ну и, конечно, подстраховаться на тот случай, если у папашки Суконцева действительно все схвачено – и таможенный комитет, и прокуратура.

Итак, кого можно на Толика натравить, чтобы счет был ничейный? Н-да, тут хорошо бы пустить в дело ОМОН, а еще лучше все тот же РУБОП. Но как это сделать, имея во врагах самого Суконцева? Это надо очень, очень крепко поработать над задачей. А если вспомнить, что над Суконцевым стоит один человек – генерал Гуськов, уже сейчас становилось понятно – денег это будет стоить немереных...

Был у него в загашнике еще один ресурс – братва. Можно было бы с ее помощью забить противнику стрелку, но это он решил припасти на самый крайний случай. Пусть будет сюрприз, козырь из рукава. Сейчас главное – точно вычислить самого врага. А то он валит все на Суконцева, а если это не он? И вообще, тут есть еще одно «но»: раз задействовать братву – значит, хочешь не хочешь, а придется задействовать также и звонившего, и его подручного – того самого Кента. А хорошо ли это, если с ними тоже пока нет никакой ясности? И вообще, не Никонова ли это ловушка? С него станется. Тем более что уралмашевский этот выкормыш у него школу проходил, и вообще, не случайно Никон сюда, в столицу, именно его послал разнюхать, что здесь да как, а после организовать плацдарм для ихних уралмашевских...

Ух, если это все затеял Кент – он с ним посчитается, не поглядит и на Никона. Так посчитается – никому не покажется мало! Это что ж выходит, он и тронуть его не могли, раз за ним Никон?.. «Нет, – вздохнул Игорь Кириллович, – все же сначала придется самому произвести глубокую разведку!»

Теперь, когда он принял решение, когда собрался для драки, он верил, что все у него получится. А как же иначе? Если чувствуешь что-то другое – лучше и не начинать...

Он отдал все необходимые распоряжения Леночке и, похоже, напугал ее до смерти, предупредив на случай явления незваных гостей: «Тверди одно: ничего не знаю, я человек маленький, я всего-навсего секретарша. Поняла?»

– Поняла. – Лена кивнула в ответ, и глаза ее наполнились слезами. Так с ходу заполняется невесть откуда набежавшей водичкой след в весеннем лесу.

Ужасно хотелось поцеловать девочку, но он подумал-подумал – и отказался от этой затеи. Рано. Спугнешь – ничем потом эту ошибку поправить не сможешь...

4

Однако Игорь Кириллович напрасно боялся за Лену. Поняв по его лицу, по отдельным фразам, которые долетали до нее через плохо прикрытую дверь, по его указаниям перед неожиданным отъездом, что случилось нечто из ряда вон выходящее и нехорошее, она кинулась старательно исполнять все, что он ей наказал. Для него она бы и не такую малость сделала, думала Лена, изымая дискету из своего компьютера, закрывая кодом файлы, связанные с деньгами, складывая папки с документацией, которые лежали в ее сейфе, в большую картонную коробку, которую легко потом можно будет загрузить в багажник легковой машины.

И, делая все это, она вдруг подумала, что, кажется, догадывается, с кем Игорь Кириллович говорил перед отъездом. Про себя она звала этого человека Хорьком. Она, конечно, никогда не видела, как маленький хищный соболь перерезает своими жуткими клыками горло кабарге, маленькому оленю, который хоть и маленький, но в несколько раз больше своего палача, и не видела, как хорек откусывает голову огромному рядом с ним петуху, а потом уволакивает его растерзанную тушку из птичника, – она была городская девочка. А если б видела – сама подивилась бы точности того прозвища, которым она наградила Кента. У этого жилистого, краснолицего, словно опаленного на страшном морозе, нестарого еще человека была опасно-хищная повадка и нехорошие, какие-то остановившиеся глаза: ощущение было такое, будто ты смотришь в пустые зрачки, такие пустые, словно вместо них у человека пулевые отверстия. И может быть, как раз поэтому она сразу ощутила, что от него веет опасностью...

И хотя сейчас Лена ошиблась, она была в общем-то недалеко от истины.

Тот человек, о котором она подумала, был тогда в офисе в первый раз. Но вспоминала она тот первый раз совсем не так легко и просто, как Игорь Кириллович. Тот человек тогда пришел в сопровождении двух каких-то амбалов и попросил ее сообщить о нем Игорю Кирилловичу: дескать, скажи шефу, что пришел старый друг. Ей стало не по себе от тех откровенно плотоядных взглядов, которые бросала на нее эта троица – они разглядывали ее без всякого стеснения так подробно, что она почувствовала себя голой. Они смотрели на нее как на животное, и душа ее застыла в ужасе, едва Лена представила себе, что бы они с ней сделали, окажись она в их руках.

Она вошла к шефу, прикрыла за собой дверь и сказала срывающимся голосом:

– Там такой... такие страшные... Я боюсь...

Он подошел к двери, выглянул, улыбнулся ей:

– Со мной не бойся ничего, запомни. Давай зови его.

И, пропустив страшного посетителя в кабинет, она услышала, как он говорит Игорю Кирилловичу, еще даже не поздоровавшись:

– Твоя девочка? Отдай, а? Люблю таких... гимназисточек... раком ставить...

Игорь Кириллович что-то рыкнул в ответ, а что – она уже не слышала, поспешила поплотнее закрыть за собой тяжелую дверь кабинета.

Но вообще-то она не могла, конечно, не заметить, что этот неприятный человек имел над ее шефом какую-то странную власть, во всяком случае, Лена так и не смогла понять, почему Игорь Кириллович не выгонял его сразу же, а принимал – и одного, и еще с несколькими такими же, как этот самый Хорек...

Ей и присниться не могло, что это известные московские уголовники являются к ее шефу по своим «делам», чтобы он, как старшой, разрешил их спор. И, конечно, ей и в голову не могло прийти, что ее обожаемый шеф давно уже пользуется у этих мордovorотов почетом и уважением...

Что бы там ни было, Игорь Кириллович принимал этого уроды Хорька и позже как любого нормального человека. А между тем она заметила: после его посещений обязательно слуша-

лось что-нибудь нехорошее – то вместе с ним наводняли кабинет Игоря Кирилловича какие-нибудь мрачные и подозрительные личности, то потом у них в офисе что-то старательно искала милиция, то после такого визита Игорь Кириллович просто-напросто становился непохожим на самого себя. Но все равно она больше Хорька не боялась, помнила, как Игорь Кириллович сказал ей: не бойся; и она знала, чувствовала – это не просто слова. Раз он так сказал – значит, она под его защитой...

Когда все уже было готово, когда было выполнено все, что наказал шеф, и Лена с чувством выполненного долга уже собиралась попить чайку в компании с главбухшей, которой сегодня тоже досталось хлопот – уж у нее бумаги даже поважнее, чем у Лены (они иногда, когда не было шефа и не висела какая-нибудь срочная работа, устраивали такие посиделки), – принесло мастера с телефонной станции. Оказывается, какие-то повреждения на линии, подключения-переподключения, так что ему надо проверить аппараты. Он начал шевелить трубки, набирать какие-то номера, и под его «Раз-раз-раз... Проверка!» она вспомнила, что действительно после сегодняшнего утреннего звонка Игорю Кирилловичу все стационарные, обычные телефоны почему-то замолчали и разговоры все велись по мобильным.

Чем-то неуловимо мастер был похож на тех, кто приходил с Хорьком, – то ли плохой кожей, то ли манерой держаться – внешне расслабленно, но вместе с тем с каким-то скрытым напряжением. Но вел мастер себя совершенно естественно – куда не надо не лез, почти ничего не говорил, на нее заинтересованных взглядов не бросал – покосился только непонятно на собранную ею коробку с документами и опять занялся телефонами, даже буркнул, поймав ее недовольный взгляд: «Вы занимайтесь, занимайтесь своими делами, я сейчас быстренько». И действительно, вскоре после этого все закончил и мгновенно исчез.

Но чаю они с Марией Кузьминичной так толком и не попили, потому что, едва монтер ушел, позвонил шеф – мрачный, расстроенный.

– Ты сделала, что я тебя просил, Лена? И Мария Кузьминична сделала? Я сейчас еду...

5

Тот памятный визит, о котором с таким ужасом вспоминала Лена, случился не так давно, так что если бы она слышала все, о чем говорил ее шеф с уголовником Никоном, то сразу поняла бы, что и запавший в ее память Хорек, и человек по кличке Кент, не раз упомянутый в сегодняшнем разговоре, – был одним и тем же лицом, персонажем, появление которого в Москве внесло в жизнь Игоря Кирилловича новое и, надо сказать, не самое приятное разнообразие. Кент был если не врагом, то уж больной занозой точно.

Многое из того, что было связано с этой личностью, выглядело не вполне обычно. Кент совсем недавно «откинулся» после очередной «ходки» – вышел из заключения, срок которого отбывал где-то на Урале – не то в Екатеринбурге, бывшем Свердловске, не то в том же самом Серове, поближе к Полярному кругу... Это все по нему и видно было: обмороженные, словно обгрызенные кем-то неестественно белые уши, красное лицо, а главное – глаза: страшно веселые глаза человека, для которого убийство стало самым обычным делом... Едва заявившись, как он говорил, на историческую родину – он был по рождению москвич, – Кент сразу же вошел в силу, подмял под себя солнцевских, да так уверенно, будто всю жизнь ими верховодил. А солнцевские были ребятки те еще, у них и своих, проверенных кандидатов в паханы хватало. Как уж там на сходке у них все проистекало, было почти неизвестно, однако глухо доходили сведения о том, что несколько наиболее известных местных главарей исчезли неизвестно куда с концами, что было две или три страшных разборки – одна на Востряковском кладбище, где среди старых могил полегло разом человек пятнадцать да еще столько же, говорят, братва уволокла подстреленных. Одни переживали, те, кто поциничнее, смеялись: как, мол, хорошо все вышло, никаких хлопот, даже везти никуда не надо – кладбище же... А еще шли слухи, что Кент был не сам по себе, что за ним стояла какая-то мощная сила. Говорили, что на Востряковском у него под рукой была целая бригада каких-то залетных, говорили, что он как бы представитель здесь, в Москве, знаменитого «Уралмаша», преступного сообщества, подмявшего под себя половину «опорного края державы», а если еще точнее – представитель одного из основных главарей «Уралмаша», знаменитого в уголовном мире Никона.

Но все это Игорь Кириллович узнал, увы, с некоторым запозданием, когда Кент самостоятельно заявился к нему в офис как бы в гости. Вышколенная Лена едва доложила о нем, как он уверенно и властно отодвинул ее в сторону – так уверенно, что она и рукой пошевелить не успела; прошел в кабинет, спросил, глядя в сторону двери: «Твоя девочка, хозяин? Отдай, а?» Заржал и уверенно же, по-хозяйски, прошел к столу Игоря Кирилловича, по-хозяйски сел, весело и дерзко глядя на него:

– Привет, хозяин!

Был он косоват и в детстве, в школе, наверно, носил, как водится, кликуху Косой или Косыгин. Это уж потом, наверно, стал он Кентом, за какие-нибудь уголовные подвиги удостоился клички по фамилии – Королев. Король, видите ли... Король был жилист, крепок, почти как деревенский парень – вздутая жила перечеркивала его морщинистый лоб, такие же вздутые жилы перевивали крепкую, красную от солнца и морозных ожогов шею, сухие сильные руки, и весь он был больше похож на какого-то хищника, приготовившегося к схватке и ждущего лишь последнего, самого удобного для броска момента. Игорю Кирилловичу он очень не понравился, как не понравилось и его силовое проникновение сюда, в сердце фирмы – все это, при других обстоятельствах, могло бы очень-очень плохо кончиться. Здесь, в офисе, у него с некоторых пор была охрана, пришлось завести, но сейчас Игорь Кириллович не спешил ее вызывать, рассудив, что если *этот* сумел дойти до его кабинета никем не задержанный, то полагаться приходилось только на собственные силы. К сожалению, он был не готов к такому

раскладу – пистолет у него был, и хороший пистолет, «глок», но, увы, лежал он в ящике стола, и вытащить его оттуда уже не было ни времени, ни возможности. Во всяком случае, пока.

– Здравствуй... те, – ответил он. – Кто вы? По какому вопросу?

– Не так резво, хозяин, – опередил его со своей нехорошей улыбкой посетитель. Он откровенно разглядывал его и делал это с большим и нескрываемым интересом. – Ишь какой ты модный! Правильно мне один знающий человек сказал, что не наш ты, хоть и числишься вором в законе!.. Ну-ну, не зыркай на меня так, я за свой базар отвечаю. Ты сам на себя-то погляди – какой ты вор? Ты просто фраер московский, и ничего больше. Ишь какой на тебе прикид! – Он приподнялся и протянул руку, чтобы пощупать его галстук или еще зачем – кто ж теперь скажет. Но Игорь Кириллович, сделав резкое движение, поймал его кисть, вывернул ее до хруста.

– Ну и как, дешевка лагерная, еще про мой прикид чего расскажешь или сам отсюда пойдешь, без поджопников?

Странно, но посетитель был спокоен, как камень, – не дергался, не пытался вырваться. Сказал только сдавленным от боли голосом:

– Пусти, Грант! Покалечишь руку-то ни за что. С «малявой» я к тебе.

Игорь Кириллович с сердцем отпихнул его от себя, по-прежнему предусмотрительно не выпуская его руки. Грант – это была его собственная кличка в уголовном мире, а стало быть, этот косоглазый и впрямь имел к нему какое-то дело. А куражился так, от лагерной дури – это случается после отсидки довольно часто: замкнутое в лагерной клетке «я» любого человека, расправляясь на воле, требует хоть какого-нибудь выхода... И что же они, сволочи, все так не по-людски делают? Мог бы ведь, скотина, и сразу сказать про послание, не доводить дело до схватки... с неизвестным концом...

– Давай «маляву»! – на правах победившего приказал он неожиданному посетителю, не торопясь выпускать его руку.

Посетитель, извернувшись поудобнее, достал свободной рукой крохотный, скатанный в тоненькую трубочку листочек бумаги. Ему уже было не больно, и, окончательно придя в себя, он все с тем же хищно-веселым выражением следил за движениями хозяина кабинета. Похоже, теперь он так просто на прием, примененный Игорем Кирилловичем, не попался бы.

Развертывать бумажку одной рукой оказалось не то чтобы неудобно – невозможно.

– Сиди не дергайся, – приказал Игорь Кириллович и, когда посетитель согласно кивнул, отпустил его и сел за свой стол.

Писулька была точно от Никона – никто бы другой даже не додумался нацарапать ему такое послание.

«Привет с нашей уральской зоны. За тобой должок, крестник, – писал Никон. – А потому, думаю, не откажешься принять моего человека. Погоняло его Кент, а с каким делом я его послал – расскажет тебе он сам. Дошел до меня слух, что ты там, в столице вашей гребаной, кое-чего можешь. Так что, братан, рассчитываю на тебя».

Игорь Кириллович аккуратно сложил бумажку в несколько раз, положил ее в пепельницу, чиркнул зажигалкой.

Сказал терпеливо ждущему, когда он освободится, Никонову гонцу:

– Ну! Что тебе велено передать на словах?

Освободившийся от железного захвата Кент, прежде чем ответить, вольготно положил ногу на ногу, руки бросил враспыр на спинки соседних стульев. И опять на прямой вопрос не ответил, спросил с каким-то не то ехидным, не то подозрительным – не разобрать – прищуром:

– Нет, в натуре, Грант, ты правда, что ли, в законе? Ну, блин буду, не похож. Я извиняюсь, конечно. Ты ведь по всему не сидел даже, да у тебя и вся повадка не наша – вон ты меня выпустил и даже плюху не отвесил...

– Ну и слава богу, что не похож, – угрюмо отмахнулся от него Игорь Кириллович. – Мне так тут, в Москве, жить проще. А насчет сидел-не сидел... На киче да, не сидел. А в СИЗО чуть не два года парился. Сперва в Лефортове, потом в Бутырках.

– Ну-у, в Лефортове, – разочарованно протянул Кент. – Ты бы еще сказал – в Сочи! Лефортово – это считай курорт...

– Посмотрел бы я на тебя на этом курорте, – усмехнулся Игорь Кириллович. – Ну как бы там ни было, мне моего срока для науки вполне хватило. Никон небось тебе то же самое говорил, не просто же так он тебя ко мне с поручением послал... Никон, вишь, доверяет, а ты не доверяешь.

– Ага, не просто так, – охотно согласился Кент. – Только он мне еще сказал, что про тебя толкуют, будто ты ссученный, будто ты с ментами якшаешься... Что скажешь, Грант?

– А что мне говорить? – Игорь Кириллович всем своим видом показывал, как он спокоен. – Тебе надо – ты и говори. Ты же ко мне вперся без приглашения, не я к тебе! Я что, оправдываться перед тобой или перед твоим Никоном должен? Это вы у себя на Урале хозяйева, а здесь хозяйева совсем другие! – Он не таясь открыл наконец ящик стола, вытащил свой «глок», взвел его. – То я, по-твоему, не в законе, то я ментам продался... А говорил, что за базар отвечаешь. – Он навел пистолет прямо в лицо гостю.

Кент замер, напрягся – вена на лбу вздулась еще сильнее, посинела на фоне неживой, сожженной морозом кожи лба.

– Не, ну это, в натуре, базар не мой, – пробормотал Кент, поняв, что уже не успеет дотянуться до поясницы, до своего пистолета, засунутого там за ремень. – Кто ты есть – тот и есть, и хрен бы с тобой. Хотя, если ты и правда ссучился, братва тебя, конечно, на ножи все равно поставит, сам знаешь. У нас с этим строго, верно? Слышал небось, как канарейкам-стукачам крылья подрезают... с языком вместе... Короче, ты меня извиняй, если я что не так сказал, я всего лишь посыльный... А Никон... Никон он тебя типа того... подсобить просит в одном деле...

Выходит, круг замкнулся, хотя Игорь Кириллович был уверен, что Никон его цеплять не рискнет. А он, значит, не побоялся? То ли за дурака его, Игоря Кирилловича держит, то ли считает его и впрямь чем-то обязанным? И потом, одно дело Никон, и совсем другое – Кент. Этот хоть и числился всего лишь Никоновой шестеркой, но, судя по всему, – пацан правильный, ревнитель старых воровских традиций. Так что церемониться с ним, Грантом, даже если его об этом просил сам пахан, вовсе не обязан. А потому он смело изложил ему не просьбу, не приказ (да и не мог Никон Игорю Кирилловичу приказывать! И просить не мог: просить – значит унижить себя в глазах братвы, уронить). Нет, он предложил Гранту *помочь* ему в одном очень щекотливом деле – естественно, не бесплатно, за очень хороший барыш. Зная, что Грант ввозит из-за рубежа огромное количество мебельных деталей, он хотел склонить его на размещение в его контейнерах некоторого количества, ну, скажем так, не очень удобной контрабанды. Грант сразу понял, о чем речь.

– Наркотики?

– Ну да, – как о чем-то само собой разумеющемся и совершенно безобидном сказал Кент и, видя по лицу Гранта, что тот с ходу готов отвергнуть его предложение, зачастил что-то насчет того, что если он, Грант, согласится, товар пойдет в Европу и в Россию совсем новым путем, каким его никто не ждет, а кроме того, поскольку груз у Гранта пахучий, обнаружить контрабанду на первых порах будет просто невозможно... Им, собственно, и надо-то только на первое время, чтобы он им посодествовал, а дальше они придумают что-нибудь другое...

Давно уже решив для себя, что ни с чем до такой степени криминальным он больше дела не имеет, Игорь Кириллович, создавая видимость, что решает для себя – братья за предлагаемое дело или нет, хранил молчание, собираясь дослушать все до конца.

Решив, что он поддается, Кент почувствовал себя до такой степени вольготнее, что даже перешел на «ты».

– Ты откуда свои деревяшки-то ввозишь? – спросил он.

– Когда как. Когда из Румынии, когда с Украины, из Закарпатья, а большей частью напрямую из Италии...

– Так это отлично! – обрадовался Кент. – Если наркота пойдет не через Кавказ, не через Среднюю Азию, а через Косово, боссам прямой смысл твою фирму использовать. Подшустришь – считай, первым будешь. Типа монополистом. Бабки страшные срубить можно, гадам буду! А кто не успел – тот пусть так и ходит в провожающих!

Он так ликовал, так радовался тому, что все столь легко разрешилось, что Игорь Кириллович наконец не выдержал, сбросил маску заинтересованного жлоба, готового за лишнюю пачку долларов продать и отца, и мать, и вообще все на свете.

– Значит, собрались через меня свою отраву возить твои боссы, да? А ты ху-ху не хохот, – вспомнил он вдруг блатной сленг и даже сделал соответствующий оскорбительный жест рукой, показав это самое «ху-ху». – А вот этого вместо укропа не хотите?! – Он поднялся за своим столом от гневного возбуждения. – Даже и не подумаю с такой падалью связываться, понял? А Никону передай: не принял, мол, Грант предложение. И сам с наркотой связываться не хочет, и тебе бы, мол, не советовал родной народ травить. Ну и садиться из-за этой дряни – тоже. Это только по-твоему я мало сидел, а по мне – так и этого срока вполне достаточно, чтобы больше не захотеть на нары приземляться. Вот так достаточно! – Резко проведя ребром ладони по горлу, показал, до какой степени он наелся тюрьги.

На лице Кента появилась мина брезгливого удивления. Он покачал головой:

– Какие-то вы, москвичи, дебилы все, право слово. Ему такие деньжищи готовы обломиться, а он боится даже пальцем пошевелить – как бы, мол, не замараться. Тьфу! Мне вас, москвичей, другой раз жалко, честное слово! А впрочем, дело твое, командир. Мое дело – доложить Никону, что ты перебз...л и отказываешься. Не думаю, что ему это понравится. Ну да тебе ведь жить-то, не мне... – Он встал, ничего больше не говоря, отчего в кабинете Игоря Кирилловича повисла нехорошая, опасная пауза, пошел к выходу. Но в дверях все же остановился. – Неужели ты думаешь, мы тебя, суку московскую, не подцепим за жабры? Еще жалеть будешь, что не согласился сразу. А может, вообще пожалеешь, что жив остался...

Игорь Кириллович, держа тяжелый «глок» в руке, вышел из-за стола.

– Ты чего это, сямка? – спросил он грозно. – Ты меня пугать еще будешь? А если я вот тебя прямо сейчас...

– Ай, брось ты, не смейся! – без страха сказал Кент. – Ты лучше о жене подумай, или кто там у тебя? О девочках своих. Вот эту целочку, что под дверью сидит, не жалко будет в случае чего отдать ребятам на групповуху, а? Я-то сам не по этой части, не по бабам... Хотя на такую конфетку и у меня, наверно, встал бы.

– Ага, встанет, – кивнул Грант. – Я вот тебя шлепну сейчас, и подохнешь со стоячим.

– Ничего, значит, не боишься? – насмешливо спросил Кент. – А выглянуть в таком разе не хочешь? – И он широко распахнул дверь кабинета, показав хозяину внутренность «предбанника» и у дальней стенки – сидящую на стуле бледную, как бумага, Лену, по обе стороны которой напряженно стояли двое приведенных Кентом зверовидных амбалов с топырящимися полами пиджаков. – Ну, убедился, что есть чего бояться?

– Убедился, – сквозь зубы сказал Игорь Кириллович, мучительно думая – убрать пистолет или все же оставить его на виду. Мысли работали лихорадочно: да, неприятностей у него может быть очень много, тем более что он теперь знает про наркотики, то есть то, чего лишнему человеку знать совершенно ни к чему. Но все равно, если рассудить здраво, согласись он, уступи – и неприятностей у него может стать во много раз больше. – Значит, так, – сказал он гостю. – С тобой мы прощаемся, думаю, навсегда. А Никону передай: предложение ваше я не

принимаю – себе дороже. А насчет чего другого всегда буду рад ему подсобить, если, конечно, смогу.

– Ах, огромное вам гран-мерси, – придурочно сказал Кент, задом выползая из двери и непрерывно кланяясь. А выползя, сменил тон: – Смотри, командир, пожалеешь еще. Я буду не я, если не заделаю тебе козу... вместо укропа...

Игорь Кириллович, держа взведенный пистолет в кармане, вышел за ним следом, но все сразу кончилось – и Кента, и его подручных тут же простыл и след. Только Лена, неестественно бледная и, чувствовалось, близкая к истерике, все так же сидела на прежнем месте, словно боясь пошевелиться.

– Все, все, Лена, – сказал он, глядя ее как маленькую по голове. – Все уже позади. – Он прошел было мимо, торопясь узнать, что же все-таки случилось с охраной, но Лена судорожно вцепилась в его руку.

– Какие страшные, – шепотом сказала она и даже всхлипнула. – Кто это, Игорь Кириллович?

– Да так... не забивай себе голову... Один... предприниматель из новых русских с телохранителями...

Свою же охрану, вернее обоих охранников, стоявших в тот день на входе, он нашел «отключенными», связанными и запертыми с залепленными ртами в туалетной комнате. Ладно хоть без мокрухи обошлись, подумал Игорь Кириллович.

Приведенные в чувство охранники долго не могли прийти в себя и рассказать что-нибудь толком. Поведали только, что незнакомцы вошли балагуря – дескать, такую солидную фирму они как раз и искали и, едва начав разговор по делу, прыснули им чем-то в лицо, а что было дальше – оба не помнили совсем. Похоже, весь расчет у налетчиков был на фактор неожиданности, и он полностью оправдался, хотя охранники Игоря Кирилловича были людьми весьма опытными и профессиональными...

Несмотря на такое их с Кентом расставание, Игорю Кирилловичу потом пришлось еще не один раз встречаться с этим поганцем. Сначала опять пришла малява от Никона вроде как с извинениями за то, что они с его человеком «не поняли друг друга». Насчет наркотиков было сказано так: не хочешь, мол, и не надо, мы же тебе пока просто предложили; и в этой же маляве Никон попросил его снова принять нашкодившего Кента – тот, дескать, вину свою чувствует, и будет хорошо, если они станут работать вместе. Вот так и пришлось Игорю Кирилловичу, стараясь прятать подлинные чувства и делая вид, что он не замечает, какими становятся глаза у Леночки, принимать этого самого Кента, чтобы он сдох, и мало того – иметь с ним дела. Однако разговор о наркотиках если и возобновлялся, то как-то так, вскользь: не надумал, мол, еще? Смотри, пожалеешь...

Самое же удивительное, что, возникая потом у Игоря Кирилловича, Кент вел себя так, словно и не было того, первого явления с нейтрализацией охраны, словно и не пришлось Игорю Кирилловичу вытаскивать свой надежно припрятанный пистолет. Словом, так, будто ничего между ними и не было.

Ну и, понятное дело, Игорь Кириллович о нападении на свой офис никому сообщать не стал, да и особых мер никаких не предпринимал, если не считать некоторого усиления охраны на входе. Хотя, похоже, от этого Кент словно почувствовал свою безнаказанность и окончательно поверил в то, что никакой Грант не законник, что он – обычный московский лох, которому Никон в свое время по какой-то ошибке дал слишком много власти. Ну что ж, бывают промашки и у самых великих людей. А дела с наркотиками у Кента шли, и похоже успешно, потому что он все больше и больше входил в силу, обзаводился новыми бойцами. И, становясь полновластным лидером солнцевской группировки, Кент одновременно все больше нагнул по отношению к Игорю Кирилловичу. У Разумовского не раз даже возникало ощущение, что Кент не прочь подмять его под себя. Словом, назревала серьезная, даже чересчур серьез-

ная разборка, которой Игорь Кириллович так долго старался избежать – ведь этот придурок Кент был посланником, представителем самого Никона, и поднять руку на него – значило бы поднять ее и на самого Никона. И это напряжение все копилось и копилось – до того самого момента, как Кент снова появился к нему недавно – на этот раз как к смотрящему, которому подчинялась и его собственная, Кента, территория, равно как и прилегающие.

– Братва послала, – сказал Кент, вальяжно раскидываясь в гостевом кресле. – Они ж не знают, кто ты на самом деле... Короче, там пацанов развести бы надо. Сошлись две хевры из-за привокзального рынка. Целая война, гад буду. Трупаков уже штук двадцать, чувствуешь? Вот меня и послали за смотрящим. За тобой то есть.

Игорь Кириллович враждующие группировки развел без проблем – авторитет у него все еще был, несмотря на усилия Кента. И развел, и посидел, как положено, на импровизированном банкете в «подшефном» одной из группировок загородном ресторане «Русич». И тут, на банкете, Кент, подогретый алкоголем, снова прилип к нему. Подсел, будто по делу, зашептал, горячечно дыша в самое ухо:

– А все же не наш ты, чужой...

На что Игорь Кириллович, решительно отодвинув его от себя, сообщил, что даже рад, что он не «их», потому как с такой паскудой, как Кент, он не хотел бы даже нужду на одном поле справлять... Чем вызвал у Кента пьяный прилив злобной радости.

– Слушай, а давай стыкнемся, а? – вдруг предложил Кент. – Как мужик с мужиком? Хошь на ножах, хошь так, голыми руками. А? Ты и я – и никого больше. Кто победит, – тот и прав. Ну как?

Хоть и убийца был Кент, а не знал он, что предлагает Игорю Кирилловичу. Уж что-что, а науку драться на ножах он после Афгана мог бы преподавать в учебных заведениях, в том числе и лагерных, так что ни на ножах, ни рукопашную схватываться с ним Кенту конечно же просто не стоило бы. Но слово уже вылетело, и теперь Кента ничто бы не смогло остановить. Тем более что Кент был из породы лагерных психов, жаль, что Игорь Кириллович понял это далеко не сразу, во время одной из разборок, которой сам был свидетелем. Понял, когда увидел, как у Кента, только что нормального, спокойного, вдруг побелели глаза, а сам он весь затрясся от ярости, впадая в безумный транс. Сухой, жилистый, неестественно побледневший, он стал страшен, покрывшись вдруг своими вздутыми венами. Таких по зонам обычно зовут припадочными и нередко их опасаются даже самые проверенные бойцы – для такого психа убить человека – что таракана придавить. Но Игорю Кирилловичу он был не страшен. Во-первых, теперь он уже знал об этой особенности Кента, а, как говорится, предупрежден – значит, защищен. Во-вторых, Кент был слишком легок для настоящей схватки: сплошное теловычитание вместо телосложения. Так что если, не обращая внимания на его припадочную ярость, поймать Кента на кулак – угадать в сплетение ли, в подбородок, – он, конечно, отключится, и все разом будет кончено.

Так оно все и вышло: сначала Кент чуть не порезал Игоря Кирилловича, подло выхватив нож откуда-то из-под манжета рукава – наверно, был на резинке, но Игорь Кириллович оказался начеку, успел уйти от ножа в сторону, а в следующий раз, когда Кент раскрылся, делая выброшенной вперед рукой смертельный выпад, Игорь Кириллович, поймав его на противоходе и поддев крюком снизу незащищенный подбородок, на несколько мгновений буквально поднял урку на воздух.

Кент потом долго лежал, хватая воздух, пуская обильную пену, и еще столько же времени приходил в себя, сидя и глядя вокруг ничего не понимающими глазами. Как бы то ни было, а приступ ярости у него прошел бесследно, что не помешало Кенту, окончательно придя в себя, все же сказать Игорю Кирилловичу:

– Ладно, твоя взяла... пока. Хотя я все равно при своем мнении: не наш ты! Скажешь – почему? Да если б я тебя завалил, – я бы тебя если и не замочил, то уродом сделал бы обязательно.

– А с чего ты взял, что я тебя не замочу, если надо будет?

– А по глазам вижу. Оно не каждому дано – вот просто так убивать. Не на войне, не защищаясь, а так, потому что тебе хочется. У тебя сердце мягкое, Грант. Хлипкое сердце, понял? Потому и говорю, что ты не наш...

Когда они дрались, никого возле них не было. А как кончили – оказались окружены кольцом зрителей, оставивших банкетный стол. На них смотрели с ожиданием, гадали, чем этот дурацкий, но захватывающий спор кончится. Надо было «держать марку», и Игорь Кириллович, бросив поверженному врагу: «Ну, ты еще поговори, гнида!» – со страшной силой еще раз ударил Кента по зубам. Такое у братвы зазорным не считалось.

Кент хотел сплюнуть, но у него не получилось – кровавый сгусток никуда не улетел, а повис у него на подбородке, – и Кент сказал разбитыми губами:

– А все равно слабак!

И мысленно Игорь Кириллович с ним согласился: раз взялся в волчьи игры играть – надо держаться до конца.

Но, с другой стороны, лучше пусть уж так. Потому что, хотя они и мечтали оба избавиться один от другого, ни Игорь Кириллович не мог убить Кента, пока тот является эмиссаром самого Никона, ни Кент не мог просто так при свидетелях убрать Игоря Кирилловича, поскольку тот здесь, в Москве, был пока еще в силе и все еще нужен тому же Никону. Во всяком случае, в их планах насчет наркоты Гранту отводилась одна из ведущих ролей. Так что им было суждено сосуществование. Сосуществование зыбкое, в любой момент готовое перерасти в кровавую бескомпромиссную разборку.

6

Игорь Кириллович вернулся с таможни только после обеда и в пресквернейшем настроении – Никон не соврал, действительно в Солнцевском терминале вчера совершенно неожиданно было арестовано несколько вновь прибывших фур с партией товара для его магазинов.

Такого не случилось еще никогда, и вообще до сих пор у владельца сети магазинов «Милорд» проблем с таможней не возникало, да вроде и возникнуть не могло – так Игорь Кириллович организовал дело. Все прозрачно, все задокументировано, все оплачено в полном соответствии с таможенными инструкциями. К тому же на таможне у Игоря Кирилловича, если честно, все было схвачено, кто надо – тот давным уже давно прикормлен. И хорошо прикормлен, щедро, а как же иначе! И тем не менее его последний груз был задержан и арестован! Прикормленный чин старался не смотреть ему в глаза и только украдкой, разводя руками, показывал, что бессилён был что-либо изменить. А тот таможенный чиновник, к которому Игоря Кирилловича направили разбираться с его неожиданно возникшей проблемой, был человеком для него совсем новым. Был он немногословен, на контакт не шел, объяснял сквозь зубы все то же: что арест наложен по требованию судебных исполнителей, а те якобы действовали с подачи налоговой полиции – дескать, в операциях фирмы «Милорд» обнаружены элементы экономической аферы, а кроме того, имела место значительная недоплата налоговых сборов. Изумленный Игорь Кириллович сгоряча потребовал показать ему постановление, на основе которого был произведен арест; чиновник показал ему из собственных рук какую-то филькину грамоту, сделанную на ксероксе, и пообещал, что все судебные бумаги будут у Игоря Кирилловича если не сегодня, то завтра наверняка. Игорь Кириллович впопыхах попытался было доказать, что это незаконно, что таможенники не имели права без достаточных на то оснований... Но быстро понял, что общается с пустотой: таможенник, во-первых, не хотел его слушать, давая это понять всем своим хмуро-брезгливым видом, а во-вторых, вряд ли мог бы что-то толком объяснить – похоже, и сам был во всей этой истории шестеркой. Судя по всему, концы следовало искать не здесь, а где-то еще. Увы, чем дальше, тем больше эта история походила на какой-то беспардонный наезд. И, плюнув на все, Игорь Кириллович поспешил побыстрее вернуться в свой офис – по крайней мере там у него под рукой телефоны и компьютеры, в которых содержится вся необходимая для доказывания его правоты «белая» экономическая информация. Уже из машины еще раз позвонил по мобильному Марии Кузьминичне, попросил держать наготове копии всех ввозных документов и всю отчетность по уплате сборов за текущий период, а также налогов – за прошлый.

Когда он вошел, Леночка даже вскочила, торопливо отодвинув в сторону газету, которую, вопреки установленным Игорем Кирилловичем правилам, читала в рабочее время, вся потянувшись к нему, глядя заботливо-тревожным взглядом, и на душе у Игоря Кирилловича, как-то независимо от его воли, снова потеплело: молодец, девчонка, ждала, волновалась. А газета... ну что ж газета... Другого бы кого отругал как обычно, может, даже премии бы лишил – на рабочем месте человек работать должен, а если он газетки читает, то либо бездельник, либо не загружен хозяином. Но Лену бы ругать ему и в голову не пришло – ее простое чистое личико (ну вылитая сестрица Аленушка!) выражало такое участие, что он догадался: смотрела газету, потому как от волнения ничем другим не могла себя заставить заниматься. Он бросил беглый взгляд на злополучный листок – что хоть за газета-то? Это была «Молодежка», самая скандальная столичная газета нового времени, которую читали, кажется, все: обыватели, академики, артисты, бомжи, проститутки и их сутенеры. И хотя мысли Игоря Кирилловича были заняты сейчас совсем другим, все же он заметил вверху газетной полосы размашистый шарж: к фотографическому портрету известного всей стране милицейского генерала Гуськова, начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью, точнее говоря, к отре-

занной от фотоснимка голове генерала, были приделаны уродливые ручки и ножки, а над этим издевательским изображением большими буквами через всю полосу шел заголовок, называемый у журналистов «шапкой»: «Гусь в лампасах». Судя по глумливой лихости, это была статья обозревателя «Молодежки», пишущего на криминально-милиейские темы, Михаила Штернфельда. Одно только имя этого журналиста означало, что газета приготовила очередную бомбу, очередной скандал. Игорь Кириллович не удержался, на ходу протянул руку.

– Возьму на минутку, хорошо? – бросил он Лене.

Лена, как всегда млевшая при виде шефа – седоватого, элегантного, больше похожего на иностранного киногероя, чем на какого-то русского бизнесмена, радостно закивала.

– Да-да, конечно, берите, Игорь Кириллович! Я для вас и приготовила...

Сразу же обнаружив, что на первой газетной странице только начало, анонс, так сказать, он развернул газету, не дожидаясь, пока доберется до своего стола. Статье была отдана целая страница задиристо-хлесткого текста – о том, что текст именно таков, он понял, выхватывая отдельные фразы, да и подписана она была, как он и подумал: «М. Штернфельд». Да, этот паренек умел приложить словом не хуже, чем какой-нибудь Тайсон кулаком. Похоже, Гуськов попал-таки в серьезную передрыгу. И, на время забыв о своих неприятностях, Игорь Кириллович, нетерпеливо сев на краешек своего кресла, быстро, с угла на угол, пробежал творение знаменитого «золотого пера» «Молодежки». Видимо, Штернфельд выложил тут все, что сумел накопать. А сумел он немало и в общем-то написал все по делу. И о том, как Гуськов, начальник ГУБОПа, при непонятном протекционизме министра МВД меньше чем за полгода из полковников выслужился в генерал-лейтенанты – такого стремительного роста не отмечалось даже в годы Великой Отечественной, когда присвоения званий полностью зависели от волюнтаристских распоряжений одного человека и естественной убыли конкурентов. И вообще, такой карьерный рост, как ехидничал Штернфельд, не удавался даже великим князьям, которые, как известно, рождались сразу в полковничьих мундирах. И о том, что Гуськов неизвестно за что получил боевой орден Мужества. Уж не за то ли, спрашивал журналист, что УБОПы погрязли в коррупции так, что там, кажется, вообще не осталось честных и добросовестных сотрудников, что сплошь и рядом многие чины этого ведомства, войдя в сговор с преступниками, работают на криминал. Достаточно сказать, что есть многочисленные подтверждения фактов, когда работники Управления «Р» (радиоэфир) и Управления наружного наблюдения, сами того не ведая, выполняют задания криминальных заказчиков по устранению соперников. Оказывается, чтобы устранить конкурентов, другой раз достаточно провести всем известное «маски-шоу», то есть наезд убоповцев на их офис, особенно если бравые борцы с преступностью выступят при полном параде – в бронежилетах, с автоматами, в черных масках, да еще с последующим изъятием документации, чтобы парализовать на какое-то время работу опозоренного конкурента и привести его к окончательному концу, к банкротству... Напоследок Штернфельд обещал, что за этой статьей последует целая серия материалов о «птенцах гнезда Гуськова», о его потерявших всякий стыд и честь подручных, именуемых в народе «гусенятами». И чем дальше Игорь Кириллович читал, тем все больше убеждал себя в том, что Гуськов как раз тот человек, который мог бы ему помочь.

В целом Игорь Кириллович статью одобрил – все в ней было правильно, и, судя по всему, у Штернфельда имелись толковые информаторы – кто-то выложил журналисту такие тонкости, которые, безусловно, могли быть известны только посвященным лицам. А что было бы, если бы он, этот журналист, знал всю правду – знал в том объеме, в каком ее знает он, Игорь Разумовский! Впрочем, зря он, наверно, дает волю злорадству, радуется правде-матке. Правда правдой, а для него-то, пожалуй, эта публикация сейчас очень даже нехвата. Ведь не случайно первое, что пришло Игорю Кирилловичу сегодня в голову, когда таможенник демонстрировал ему свое презрение, была как раз мысль о звонке Гуськову. Позвонить, слезно попросить Вла-

димира Андреевича, благо они давно знакомы друг с другом, узнать по своим каналам, в чем именно причина неприятностей Игоря Кирилловича и не может ли он ему помочь...

Но если это выделось не вполне реальным и до появления публикации, то что теперь? Вообще, можно ли в такой момент лезть к человеку с просьбами? А что, если генерал просто пошлет его куда подальше и тем лишит надежды узнать что-либо достоверно, по крайней мере в ближайшем будущем? А ведь ему и надо узнать именно в ближайшем – сейчас, самое крайнее – завтра, потому что послезавтра будет уже поздно. Нет, он обязан действовать наверняка, тут должен быть план... Подумав еще, он решительно сложил газету и, настраиваясь на разговор с Гуськовым, брезгливо отодвинул ее от себя. Как бы то ни было, он должен рискнуть. Не получится – значит, не получится, будет придумывать что-то еще, но и сидеть в бездействии он не может – время уходит, а с ним и деньги, и деньги ой какие немалые. Но бог бы и с деньгами – деньги не овес, они, как известно, и зимой растут. Самое главное, он чутьем, загравком чувствовал, что все это не случайность, что все это – часть какого-то злокозненного плана, что кто-то подложил под него бомбу. Он должен защититься любой ценой! Подумав так, Игорь Кириллович взялся за телефон и, поколебавшись еще немного, набрал номер Гуськова.

Ни в какие претензии налоговиков или судебных исполнителей он не поверил. Но кто, кто мог совершить на него именно такой наезд? Ведь этот «кто-то» в силе, раз сумел задействовать таможеню. Кто? Да кто угодно мог, ответил он сам себе. Мало ли у него врагов! Между прочим, вполне возможно, что этот «кто-то» действовал либо через самого Гуськова, либо через его зама – то есть все того же свежеепеченного генерал-майора милиции Суконцева: оба были хороши. А Суконцев, кстати, мог действовать и без сына, сам по себе. Игорь Кириллович интуитивно не исключал такую возможность, а интуиция его еще никогда не подводила. Оба бравых генерала при случае трясли бизнесменов с полной уверенностью в своем праве это делать. Как гаишники, бывает, по субботам выходят на дорогу, как оперативники идут по ларькам, будто к себе на огород, за морковкой, к примеру, так и эта парочка время от времени трясла московский бизнес. «Для поддержания штанов», – любил говорить Гуськов. Веселый человек Владимир Андреевич, юморной. Впрочем, все-таки Гусь, наверно, вряд ли стал бы совать ему палки в колеса – генерал был давно и хорошо прикормлен Игорем Кирилловичем, так хорошо, что, наехав на него, уподобился бы дураку, решившему зарезать курицу, которая несет золотые яйца, да не простые, а страусиные. А вот Суконцев...

С Суконцевым дело было сложнее, поскольку у него еще и сынок занимается точно таким же бизнесом, что и Игорь Кириллович. Малыш действует нагло, нахраписто, никаких правил и законов не признает. В противовес «Милордам» Игоря Кирилловича открыл по городу и даже в области свои салоны, назвав их «Три сардины». На свою причастность к мафии, что ли, таким заковыристым способом намекал? Сардины – Сицилия – мафия? Игорь Кириллович в сердцах обозвал магазины Толика Суконцева «Кильками». Идею, гаденыш, подхватил, да только изгадил – по-честному ничего не умеет. Вот пример. Месяца два назад эти самые «Кильки» вдруг начали сбивать цены. Игорю Кирилловичу сразу стало понятно: за этим стоит какой-то криминал, потому что уж кто-кто, а он точно знал, что опускать цену ниже той, которая установлена у него, Разумовского, значит торговать себе в убыток. При Толиковом раскладе у него накладные расходы выше цены. Да и вообще, как этот паскудный, в папашу, Толик может снижать цену, если он не марается со сборкой, ввозит готовую мебель, а стало быть, платит пошлину вдвое, втрое против него? Ответ напрашивается сам собой: такая цена, как у Толика, может быть лишь в том случае, если он ввозит свой товар беспошлинно. Приватизировал, как говорится, три метра границы – и вперед!..

В трубке слышались частые гудки. Он выждал, снова набрал номер, радуясь, что генерал самолично в свое время дал ему свой прямой номер. Однако теперь никто не брал трубку. Выждав еще минут пять, он набрал снова, потом еще раз, и когда совсем было отчаялся, Гусь-

ков наконец трубку взял. Игорь Кириллович замер, ожидая услышать его либо раздраженный, либо подавленный голос. Ничего подобного!

– А, бизнесмен! – бодро, как всегда, откликнулся генерал на его приветствие. – Ну здорово, здорово! Чего звонишь-то? Хочешь, поди, поздравить со статьей? Радуешься небось – вон, мол, как эту сволочь ментовскую приложили!

И не понять было: задела его статья или ему на выпады «Молодежки» совершенно наплевать.

– Ну что вы, как можно, Владимир Андреевич! Статья ужасная, врагу не пожелал бы... Но я слышу по голосу, она вам – как слону дробь, верно? Ну и правильно! Собака лает, а караван себе идет. Мы все вам верим, а не какой-то клевете...

– Верят они, – хмыкнул Гуськов. Похоже, был доволен его словами. – Ладно, говори, чего звонишь, а то, если честно, некогда мне сейчас ля-ля разводиться... Хотя за поддержку – спасибо.

– Я сейчас быстренько, Владимир Андреевич. Хотя даже не знаю, как и сказать...

– Да так и скажи, чего мямлишь-то?..

– Дело у меня к вам, Владимир Андреевич. Но если я не вовремя – я лучше потом...

– Чем же лучше-то? Говори, коли начал. Если позвонил, значит, тебе надо. А раз надо – давай будем решать. Ну, в чем оно, твое дело... чтобы сердце пело? Ты, может, хочешь попросить, чтобы я ревизоров в бронжилетах к тебе прислал? Это можно!..

– Ну вы, Владимир Андреевич, скажете, – без всякого страха подхихикнул Игорь Кириллович. – Так и зайкой сделаться можно...

– Да ладно тебе! Не бойсь! Шучу я, если не понял. Ты давай, давай, Гарик, не тяни кота за это самое, выкладывай, что там у тебя за проблемы. А то ведь мне не только твоими, своими заморочками заниматься надо!

– Я чего, Владимир Андреевич... Кое-какие вопросы перетереть бы... Но только не по телефону, а лично. Возможно это?

– Вот все вы так. – Слышно было, как генерал сладко потянулся. – Нет бы просто позвонить: тебя, мол, дядя Володя, ужопили, давай, мол, это дело зальем, водчонки выпьем, авось полегчает... Ан нет, каждый все об себе, все по делу да по делу: Володя, сделай то, Володя, сделай се... Ладно, опять шучу. Надеюсь, юмора еще не растерял? Ну что ты в самом-то деле? Вон меня – и в хвост и в гриву, полная Камасутра. А у тебя, подумаешь, пять фур арестовано. Ну и что с того, не конец же света!.. Ладно, – вдруг остановил он сам себя, сказал совершенно серьезно: – Раз по-другому не получается – давай заходи...

– Вот спасибо, Владимир Андреевич! – засуетился Игорь Кириллович. – А что насчет водчонки – мы правила знаем: все ответственные вопросы – только через магазин. А то вы, Владимир Андреевич, не убеждались в этом! Зря вы так... Обижаете сироту, а ведь меня таможня и так уже обидела... – Он молол всю эту чепуху, а сам думал: «Откуда, откуда ему известно про фуры и про то, что их именно пять? Или он как-то все же причастен к этому наезду? Еще этот намек насчет ревизоров в бронжилетах». И снова понес, чтобы пауза не выглядела слишком подозрительной: – За нами не заржавеет, Владимир Андреевич. Мы ведь люди простые – нам только свистни, мы все на лету пойдем. – Кривляться, изображать из себя простоватого придурка было нетрудно, но все-таки противно. Но что ему оставалось делать?

– Ну ладно, ладно, сирота, – решительно и все так же серьезно остановил его Гуськов – видно, и впрямь поджимало у него время. – Давай-ка заходи завтра. Обсудим все, что надо.

– А может, сегодня?

– Завтра! – отрезал генерал.

– Да-да, конечно. Спасибо, Владимир Андреевич... А это... Когда подъехать-то?

Генерал немного помолчал, подумал, зашуршал чем-то – наверно, смотрел по настольному календарю, что у него там запланировано.

– Давай часам к трем подгребай, вроде у меня на это время особых дел не назначено...

К трем – это хорошо. Вот если бы часам к пяти-шести, это означало бы, что встреча неизбежно кончится пьянкой. Не то чтобы Игорь Кириллович не любил застолья, кто ж его не любит... Но одно дело сидеть в приятной тебе компании, за приятным разговором, с шуточками-прибауточками и легким флиртом, и совсем иное – с зажавшимся ментовским генералом, который хоть тебе и нужен, но ни на секунду не может забыть, что ты у него вроде как в прислугах, что ты для него – грязь под ногами и не больше... Да и времени у Игоря Кирилловича на сидения за столом особо не было...

Да, неуютно, совсем неуютно было сейчас Игорю Кирилловичу. Когда неприятность одна – это вроде как случайность. А когда их несколько, когда они начинают обкладывать тебя, как тучи обкладывают в ясный день горизонт, – это уже не случайность, это уже беда, которой надо хоть что-нибудь противопоставить, чтобы она не заглотнула тебя совсем... А тучи вокруг него, оказывается, собрались те еще. Во-первых, конечно, эта история с таможенной. Во-вторых, Никон с его невероятной просьбой, в которой и отказать нельзя и связываться с которой – тоже равносильно самоубийству. И в-третьих... В-третьих, тоже Никон, вернее его засланец Кент, который, кажется, собрался подмять его под себя. Игорь Кириллович даже зубами скрежетнул, думая об этом третьем факторе, о том, какими веригами висит на нем его давнее и не очень давнее прошлое, из-за которого он и оказался таким уязвимым перед этим самым Кентом. У Игоря Кирилловича, числящегося уголовным авторитетом и даже смотрящим южных префектур города, по сути дела объявился враг, пока еще не очень явно, но уже фактически не признающий его власти. Как бизнесмену, Разумовскому было на это наплевать, но, как законник и смотрящий, он этого просто так оставить не мог ни в коем случае, не имел права, он должен был держать марку законника во что бы то ни стало. От Кента пора было избавляться любой ценой, потому что этот гад, едва оглядевшись в столице, развил жуткую активность, чуть ли не подбивая братву скинуть Игоря Кирилловича, то бишь Гранта, с его престола. А это означало, что в случае проигрыша Игоря Кирилловича воровское сообщество отнимет у него вместе с престолом, которым он в последнее время все больше тяготился, и его такой славный бизнес, и, похоже, вряд ли ему тогда кто-нибудь сможет помочь, даже тот же генерал Гуськов, на которого он сейчас всерьез рассчитывал. Генерал высоко, а криминалитет – вот он, на улицах, ходит мимо складов и магазинов, сидит на чердаках с оптическими прицелами, подкладывает под машины толстые шашки, крадет и мучает детей... Поэтому надо было принимать меры сейчас, сразу. И если он хотел выжить – он обязан был наряду со своими бизнес-делами хоть как-то решить и эту головоломку тоже. Ведь ему понятно: если против него пойдет еще и криминал – никакого бизнеса ему не удержать. Но если подумать, с какой стати он должен вот так, за здорово живешь, отказываться от того, что выстраивал, выхаживал столько лет!.. Он уже прошел через криминальную стадию, и слава богу, что теперь работает честно, как порядочный, как западный бизнесмен. Он начал совершенно новый бизнес, можно сказать, с нуля. Ведь у него же, если разобраться, не только мебель, у него много чего еще другого, что приносит пользу и Игорю Кирилловичу, и людям. Именно тот бизнес, который очень нравится ему самому и который самодостаточен для того, чтобы развиваться, раскручиваться все сильнее и сильнее с каждым годом. Наконец, у него в кои-то веки может быть нормальная, настоящая семья.

Он думал и думал о том, почему он никак не может, не имеет права проиграть именно сейчас, и мало-помалу у него начал выкристаллизовываться удачный, как ему казалось, план действий. Встретившись с генералом Гуськовым, он не ограничится только спасением своих фур, он постарается его руками расправиться с врагами. Нет, он не будет никого, что называется, закладывать, чтобы решить свои проблемы, он сделает все тоньше и изящнее. Он расскажет Гуськову, как ему стало трудно работать с криминалом, как обнаглели солнцевские во главе с новым их предводителем, неким Кентом. Мало того что они не считаются даже с воровскими законами, не подчиняются авторитетам, они еще и возомнили себя всемогущими до такой степени, что предложили ему, Гранту, найти милицейского чиновника, который за

взятку перевел бы нужного им человека из какого-то уральского лагеря в Москву, в Бутырку! «Представляете, Владимир Андреевич, какая наглость?!» – спросит он Гуськова. Ну а дальше – дальше как кривая вывезет. Есть риск, конечно. Не клюнет Гусь – ну тогда по крайней мере он будет информирован об активности солнцевских и о том, что есть уголовник, на которого надо обратить особое внимание. А клюнет – можно будет навсегда отделаться и от него, Гуськова, опеки, раз он себя скомпрометирует такой сделкой с уголовным миром, и от Никона, и от Кента. Если у него будет компромат на Гуся, уж он сумеет воспользоваться им через него же и вывести из игры и такого великого пахана, как Никон, и такую его шестерку, как Кент. Если опять же и они, узнав обо всем, сами не согласятся оставить его в покое... Он даже потерял руки от удовольствия – такой удачной показалась ему изобретенная им только что затея.

Так что если быть честным до конца и называть вещи своими именами, в решении его, Гранта, проблем генерал Гуськов должен быть более чем горячо заинтересован...

7

У всей этой сегодняшней заварухи, когда для Игоря Кирилловича враз сошлось столько проблем, была своя предыстория.

Дело в том, что вовсе не всегда Игорь Кириллович был воровским авторитетом, а тем более уважаемым бизнесменом. Когда-то, и не так уж давно, но в совсем теперь ушедшей жизни, был он армейским офицером, спецназовцем, успевшим захватить конец афганской эпопеи и даже чуток хватануть чеченской – пытался в самом начале в составе спецназовской группы остановить победное шествие генерала Дудаева. Они кое-чего тогда даже добились, но на полпути были отозваны из Чечено-Ингушской республики и вместо наград, в соответствии с приказом Верховного Главнокомандующего, были вышвырнуты из армии – за разжигание, видите ли, национальной розни и дестабилизацию обстановки на Северном Кавказе... Враз он остался без службы, без денег, без перспектив. Хорошо хоть было где жить: тогдашняя его жена пока терпела его, все еще видя в нем того героя, за которого выходила когда-то замуж. Выходила в надежде на блестящее будущее, а тут жизнь враз стала бесцветной и бесперспективной. Он и теперь был герой, только герой не очень здоровый, с расшатанной психикой и – совершенно ничего не понимающий в том, что происходит вокруг. А вокруг все рушилось и трещало и нагло перла та самая новая жизнь, которая никак не желала поддаваться его пониманию, а главное – не видел он себе никакого применения в том мире, в котором белое становилось черным, черное – белым, а любимый страной и армией красный цвет стал считаться чуть ли не национальным проклятием. Спасла его тогда знаменитая армейская взаимовыручка. Он уже готов был после очередной серьезной размолвки с женой наложить на себя руки, как вдруг совершенно случайно встретил на улице боевого, еще по Афгану, дружка, настоящего гебешника. «Слушай, ты ж, помнится, языки знаешь? – внял его беде дружок, когда они, выпив в парке Горького пива, рассказали друг другу, кто чем живет. Друг был благополучен, окопался при управлении снабжения тыла. – А хочешь во Внешторг?» Игорь Кириллович не очень хорошо знал, что такое Внешторг, смутно представляя себе каких-то элегантных мужиков, которые ездят по заграницам, курят импортные сигареты и пьют виски – этикие дипломаты от торговли. Он чуток подумал – и с ходу согласился, чувствуя, как жизнь моментально начинает окрашиваться в прежние, радужные тона.

Эта радужность не померкла и потом, хотя заниматься ему во Внешторге пришлось тем, чем он сроду и заниматься-то не думал. В недалеком зарубежье, во все еще братских соцстранах, закупал он кой-какое не самое важное оборудование для Госснабов – союзного и республиканского. Через него тогда шла всякая мелочовка, которой уважающие себя внешторговские волки и заниматься-то не хотели, – кабель, электропровод, насосы для перекачки воды и канализационные – все больше товар для жилкомхозов. Прелесть занятия вскоре обозначилась в том, что цены на закупку всей этой жилкомхозовской лабуды все еще были в переводных рублях, приравненных Госбанком к девяностокопеечному советскому доллару, реальная же цена доллара к этому времени во много раз превысила пресловутый девяностокопеечный рубез и с каждым днем все увеличивалась. Оборудования этого – оплаченного, авансированного, полученного по бартеру – за год образовалось на госснабовских складах великое множество, и числилось оно, даже пройдя таможенные формальности, за ним, Игорем Кирилловичем Разумовским (вернее, за его отделом, но все же, если персонально, фактически знал, где и что и в каких количествах, один он). Поначалу Игорь Кириллович занимался всем этим с легким отвращением, иногда утешая себя тем, что чем-то это похоже на работу в разведке: резидент получает огромные деньги, тайно тратит их по своему усмотрению, отчитывается как бог на душу положит (а то и вовсе не отчитывается) – да если ты нечист на руку или – так благороднее – по-американски оборотист, ты, можно сказать, сидишь на золотой жиле! Но сам он, увы, был

брезглив и болезненно чисто плотен. Ему не раз тогда предлагали взяться за левую реализацию дефицитного товара с его складов (а что тогда не было дефицитным!), но он упорно отказывался, даже бывали случаи – выгонял из своего кабинета особо назойливых посредников, которые просто его не понимали. Жене он, естественно, старался о таком не говорить, но она вроде и без того поутихла тогда, не пилила больше за никчемность и безденежье. Еще бы – он был пристроен, и хорошо пристроен, многие о таком и мечтать не могли: частые загранкомандировки, возможность самому приодеться, привезти кое-что в дом. Нормальное «совковое» счастье. Именно тогда к нему и пристала кличка Грант. Еще не растерявший своей спортивной стати, он был очень хорош в своих немногочисленных, но очень модных заграничных шмотках, которые успевал раз за разом прикупать: строго элегантные, необыкновенно шедшие ему джемпера, модные плащи, спортивного кроя курточки, галстуки. У него был превосходный вкус. а уж ботинки, перчатки – они были настоящей его слабостью, эти вещи у него всегда теперь были очень дорогие и очень фирменные. «Шузы и все, что из кожи, – только английское», – любил говорить он, и, видимо, эта-то его слабость и превратила бывшего капитана спецназа сначала в капитана Гранта, а потом и просто в Гранта...

Но не успел он как следует обжиться в новом «дипломатическом» качестве, как снова все рухнуло: сначала Внешторг, потом разного уровня «снабы». Доллар в стране становился свободно покупаемым и продаваемым, переводной рубль исчез, будто его и не было, а вместе с тем враз стали смешными цены, получавшиеся когда-то у Внешторга на его базе. Особенно в сравнении с долларовыми ценами, которые сразу же установили бывшие соцстраны, откуда товары были привезены. Ну а сам товар – тот многочисленный ассортимент, который Игорь Кириллович закупал в последнее время, – так и остался лежать на одном из его ведомых складов, став враз как бы совсем ничьим, чуть ли не единоличной собственностью Игоря Кирилловича. И тут бравый спецназовец снова всерьез задумался о своей собственной судьбе. Внешторг исчез, фирма, в которой он работал, дышала на ладан. Еще чуть-чуть – и он опять будет на улице, и опять окажется в том же самом положении, если не худшем, что и после армии. А тут денюжки, можно сказать, сами в руки просятся, это ж надо дураком быть, чтобы от них отказываться. И он решился. А решившись, наплевав на прежние принципы, повел себя как всякий неопит: глуша совесть, развернулся бывший капитан с такой бесшабашностью, что хоть и тошно другой раз самому становилось, а назад хода ему уже не было – сам себе отрезал. Вот как развернулся. Заграничные-то цены враз стали недоступными разоренному российскому покупателю, а он их устанавливал сам – вполне приемлемые для того же покупателя.

Насосы, которых он прежде вроде как стеснялся, лежали по всей стране: в Хабаровске, на Кубани, в столице, в Воронеже – да где их только не было! Конечно, одному бы ему такое дело не провернуть, но он теперь знал многих мужиков из местных «снабов». Они по его заданию в срочном порядке оплачивали насосы по тому самому старому курсу – по девятидесяти копеек за доллар – и складировали уже как свои собственные, чтобы потом, по его, Гранта, команде, отпускать желающим по уже установленной им самим цене.

Желающих было хоть отбавляй – железнодорожники, у которых на каждом полустанке свои коммунальные хозяйства, директора бывших совхозов, получившие в наследство поселки-усадьбы, ну и так далее. Сделки совершались короткие, быстрые – сегодня подписали договор, перечислили оплату, завтра товар уже вывезли. Деньги получались огромные, устраивавшие всех, кто был вовлечен в эту аферу, в эту спекуляцию, если по-старому, по-советски. По-новому же все это считалось просто выгодной сделкой. Он так вошел во вкус, что гордо сообщал жене, засыпая после бурного рабочего дня: «Вчера заработал сорок (50, 60) миллионов!» (Тогда все считали на миллионы.) И это звучало, и даже очень звучало, особенно если учесть, что миллионы капали на его счета каждый день. Он говорил это слово – «заработал», и ничто в нем уже не протестовало, хотя еще с детства он, русский парень, знал: заработанное – это то, что ты получил за свой труд, а вовсе не за то, что ты кого-то надул. Какой здесь был его

труд-то? Ловкость рук, и ничего больше. Окончательно он узаконил для себя это «заработал», когда на созданную им специально для торговли насосами фирму начались «наезды». Сначала машины с его насосами остановили какие-то малоразговорчивые пацаны с пистолетами, потребовавшие «пошлину» за проезд от склада до шоссе. Потом ему начали звонить, предлагать поделиться, заплатить сорок процентов от доходов за якобы охрану и неразглашение. Потом кое-кто из его компаньонов на местах решил, что незачем делиться с каким-то столичным мироедом, если оформленный по всем правилам товар лежит на твоём собственном складе, под твоим присмотром, да и оформлен на тебя. А пусть они, эти москвичи, сперва докажут, что это их товар. А докажут – пусть попробуют взять, если все лежит на армейских или принадлежащих какому-нибудь «Водоканалу» складах, которые тоже охраняются, как армейские, как настоящий оборонный объект... Если тут и можно что доказать – то только оружием.

Вот тогда-то Игорь Кириллович и окунулся во все прелести дикого российского капитализма – и в него стреляли, и он стрелял; и создал свой охранно-оперативный отряд (пришлось создать после одного случая под Воронежем, когда ему самолично довелось убить человека за то, что он отказался вернуть деньги за самовольно проданные сто штук насосов). Отряд был создан специально для разборок, для выбивания долгов и отражения рэкетирских наездов. Ребята, в прошлом все армейцы, хотели зваться если не бойцами, то хотя бы боевиками, но и этого было нельзя. И стали они бойскаутами – сначала вроде бы в шутку, а потом название прижилось, и когда они зарегистрировались как охранное предприятие, то официально так и стали именоваться: «Скауты». Он хорошо платил своим бойцам за выполнение заданий и никогда не интересовался, каким способом они их выполняли. Но, видимо, способы были те самые – убийство, утюг на животе, паяльник в заднем проходе, заточение в каком-нибудь подвале, пока родные не принесут выкуп... Однако если с должниками и рэкетирами вскоре был полный ажур, то и сам он, и его оперотряд в результате этих подвигов оказались зафиксированными в картотеке МВД как организованная преступная группировка «Скауты». Хорошо он хоть о «заработанных» деньгах вовремя побеспокоился – перевел в доллары и отправил на хранение за рубеж, на Кипр. И очень, как оказалось, вовремя, потому что вскоре за его фирму взялись не на шутку. В конце концов дело оказалось в ведении ФСБ, потому как возбуждено оно было по старой еще статье за незаконные операции с валютой и валютными товарами... Деньги-то он увел, а со следовательского крючка по неопытности соскочить не сумел. Ему, можно сказать, выпала черная карта: первая посадка, первое общение со следователем, и на тебе – сразу с фээсбэшным. Простой бы, обычный, тот сам бы все и испортил – хамством своим, глупостью, враждебностью – это неизбежно. А вот фээсбэшный... О, это совсем-совсем другое дело! Эти, с Лубянки, они вежливые, обходительные, они тонкие психологи – чтобы не поддаться на такой гипноз деятеля, надо иметь иммунитет, опыт, который дается только с ходкой, и не одной.

– Слушайте, – внушал Игорю Кирилловичу этот «психолог». – Вы ведь наш, можно сказать, человек, проверенный. Вам грозит до десяти лет строгого режима, неужели вам это нужно? Я думаю, при определенных условиях государство могло бы вас простить. Ну оступились, ну случайно ввязались в спекуляцию, вообще занялись не своим делом. Согласитесь, не наше, не солдатское это дело – коммерция. Случайно ведь, я не ошибаюсь? Мы пойдем вам навстречу, помня о ваших боевых заслугах и учитывая ваше искреннее раскаяние. Но и вы должны нам помочь.

– В стукачи, что ли, записать меня хотите?

– Господь с вами, Игорь Кириллович, какие стукачи. Предложение наше заключается вот в чем. Мы направим вас, как человека нам не чужого, в центральный аппарат МВД. С нашими рекомендациями. Окажете посильную помощь милиции, ну а нам будете время от времени сообщать, что там у них, в аппарате, делается...

– Значит, все-таки в осведомители предлагаете пойти... Позвольте, а что это значит – посильная помощь? То есть, если я правильно понимаю, платить мне никто ни за что не будет, а службу я нести буду должен, да еще и радоваться, что вы меня не посадили, так?

– Да вовсе все не так! Будете заниматься своими делами, своим любимым бизнесом. Но только, конечно, не так, как раньше... чтобы у нас больше не было поводов, а время от времени...

– ...Время от времени делать то, чего пожелает левая нога какого-нибудь милицейского чина, так?

Следователь пристально посмотрел на него своими умными глазами и вздохнул:

– Вообще-то вам сейчас не до жира, что называется... Впрочем, смотрите сами... Выбор пока еще за вами...

Грант долго в тот день не мог уснуть, лежал на нарах, смотрел в потолок, вздыхал. Сосед по камере, пожилой правозащитник Иван Иванович, не выдержал:

– Расскажите, Игорь, не мучьте собственную душу. Бойтесь меня – расскажите только то, что можете. Уверяю вас, легче станет. Я так понимаю: вы еще неопытны во всех этих делах, но должен вас предупредить, если вы еще не поняли: здешние следователи – чистые змеи, перехитрят любого... если, конечно, у человека нет опыта. Я правильно понимаю по вашим вздохам, что вам уже предложили что-то в обмен на сотрудничество. Так?

Игорь Кириллович посмотрел на соседа с удивленным уважением.

– Так. Мол, если я соглашусь с ними сотрудничать – получу срок условно. Дескать, ни тюрьмы, ни тебе лагеря, выйдешь на волю, займешься как ни в чем не бывало своими делами, а время от времени...

– Э, батенька, это ж классическая схема... Только не вбивайте себе в голову, что все будет так, как они обещают или как вам хотелось бы. Представьте все по самому худшему варианту: и срок получите, и в кабалу от них попадете, и сами себе противны будете. Имейте в виду, даже у уголовников стукач, ссучившийся человек, как они это называют, – это самая низкая степень человеческого падения. Ниже – только опущенные. Вам это надо? Вы готовы на это?

– Ну а если согласиться и врать им что-нибудь время от времени... Неужели нельзя?

– Да ведь они же не дураки, как вы сами могли убедиться! Во-первых, забудьте про это «время от времени» – сколько им надо, столько вам и придется с ними общаться, никто вас и спрашивать не будет. Во-вторых, не обольщайтесь – «соврать что-нибудь» у вас тоже вряд ли получится, смею вас заверить. Им нужна будет конкретная информация, по конкретным поводам, конкретным людям. А ну как по вашим наводкам начнут действовать – сажать или, того хуже, убивать «при попытке к бегству»? А такое ведь происходит сплошь и рядом, только об этом не пишут, не показывают по телевидению. Но самое главное – раз сунув голову в эту петлю, вы из нее уже не вылезете до самой смерти. Мы вам помогли, скажут они в случае чего. Помогли! Вы обещали за это быть благодарным? Обещали. Ну так и извольте, если не хотите снова попасть под следствие... У них ведь как? Был бы человек, а причина дать срок всегда найдется...

Они говорили вполголоса, едва не соприкасаясь головами, но на следующий день, в комнате для допросов, следователь включил ему магнитофонную запись их разговора, сделанную очень хорошо и чисто – стало быть, где-то в камере был «клоп». Может быть, даже на Иване Ивановиче – сейчас Игорь Кириллович ничему бы не удивился. А может, подслушивающее устройство было заранее там установлено. Значения в конечном счете это не имело.

– Ваш сокамерник изложил вам все верно, но не учел одного: вы не в обычной уголовной тюрьме, вы в Лефортове, и все дела у нас тут носят характер скорее политический, нежели криминальный.

– Ну и что? Пришьете мне за отказ пятьдесят восьмую статью? Так ее давно уже нету...

– Этой нет – найдется другая. Но я вообще-то не о том. Мы предлагаем вам как бывшему человеку *системы* помочь родным органам. Если мы с вами придем сейчас к согласию, то вас завтра же освободят под наши гарантии. Освободят из-под стражи, а дело передадут с нашими рекомендациями в общее уголовное производство, и тут, заметьте, за вами не будет почти никаких нарушений закона, поскольку несколько новых указов президента Ельцина об обороте иностранной валюты как бы дезавуировали статьи действующего УК РСФСР... А дальше мы вам поможем внедриться в аппарат МВД...

– Да как, как?! – не выдержал Игорь Кириллович.

– А это уж наша проблема... И вся ваша обязанность будет заключаться в том, чтобы информировать нас, ФСБ, о подноготной, об изнанке того, что происходит в аппарате этой организации. Не буду скрывать, мы чрезвычайно нуждаемся в такой информации – в силу определенных обстоятельств после событий нынешнего, 91 года мы действуем как разобщенные организации и зачастую такая неподконтрольность МВД идет во вред законопорядку. Вы видите, я стараюсь ничего от вас не скрывать. А в обмен мы закрываем все претензии к вам по статье о валютных спекуляциях и вы отделяетесь легким испугом. Ну, как вам такая перспектива?

Игорь Кириллович был растерян. Звучало все очень убедительно. И потом, одно дело «стучать» на конкретных людей, и совсем другое – пакостить продажным ментам. Да почему, собственно, и нет? Цена-то вон какая – его судьба, его жизнь!

– А еще подумать разрешите? – спросил наконец он.

– Разрешаю, если совсем недолго. До десяти завтрашнего дня уложитесь?

– Уложусь, – буркнул Разумовский, уже думая о том, должен ли он сегодня делиться новостями с Иваном Ивановичем. А какой, вообще говоря, в этом смысл, если, может, даже тот «клоп», который все пишет, как раз находится на нем самом? И вообще, жить-то дальше не Ивану Ивановичу, а ему, Игорю Разумовскому. Будет держаться за принцип, как тот советует, и выйдет через десять лет из лагеря больным стариком, легочником, импотентом. Надо это ему?

На следующий день он дал следователю согласие.

Но попал он не на волю, как сулил ему лефортовский следователь, попал он в Бутырку, поначалу в камеру на четырнадцать человек, в которую было напихано двадцать восемь (в других, говорили ему, еще хуже, в три смены шконками пользуются)... Вот уж где можно было без проблем и туберкулез, и вшей, и чесотку, а то и какой-нибудь спид подхватить... Здесь следователь был не так тонок, как лефортовский, разговаривал грубо, то и дело покрикивал, то и дело обещал в случае чего оставить здесь, в СИЗО, еще годика на два – на три – видимо, тот, лефортовский, и здешний еще не успели договориться между собой. Но довольно быстро все стало на свои места. Его выпустили, обязав, поскольку он освобожден условно и, судя по всему, приговорен будет к условному сроку тоже, являться регулярно в городское управление МВД к некоему майору Гуськову. Вот так они и познакомились.

Этот Гуськов тогда только недавно перебрался в столицу, еще осваивался. Так вот, сразу взяв быка за рога, Гуськов первым делом сообщил ему, едва ли не слово в слово повторив то, о чем он сам думал тогда на нарах – как будто прочел его мысли:

поскольку он, Разумовский, человек теперь свой, то и будет он использован как мелкий милицкий чин для особых поручений;

теперь в его обязанности будет входить установление связей с уголовным элементом и сообщение куратору о ставших известными преступных намерениях.

При слове «куратор» Гуськов показал подбородком на самого себя: прижал к собственной шее так, что его большое красное лицо с нависшим над переносьем лбом, под которым прятались маленькие умные глазки, приобрело слегка хрячье выражение, оказалось в обрам-

лении мощных жировых складок. «Для этого, – сообщил также Гуськов, зачем-то трогая брылья пальцами, – мы вас произведем в воры в законе. Надеюсь, не возражаете?»

Игорь Кириллович хотел было возразить, но «куратор» не дал ему собраться с мыслями.

– Ну и правильно, что не возражаешь, – кивнул он. – Куда ты, на хрен, теперь денешься-то!

И тут наконец к Игорю Кирилловичу вернулся дар речи. Вор в законе – это ведь очень серьезно. На титул вора в законе «назначает», «коронует» сходка уголовных авторитетов. Есть для этого дела общие, испокон века установленные правила. Для того чтобы стать вором в законе, нужен немалый уголовный опыт – надо иметь несколько ходок на зону, иметь воровскую квалификацию и вообще надо быть человеком, по-своему в уголовном мире известным. Кроме того, вор в законе не имеет права обзаводиться семьей, домом и вообще собственностью, не имеет права работать ни при каких обстоятельствах. Вор в законе, законник – это что-то вроде черного монашества от уголовного мира. Наконец-то Игорь Кириллович сумел высказать свои удивления и сомнения неунывающему майору.

– А! – отмахнулся тот. – Кого это теперь колышет? Теперь корону просто покупают – и все. Вон лаврушники московские – у него и жена, и любовница, и дети от обеих, и своя фирма, и при этом, заметь, ни одной ходки, вообще параша никогда не нюхал, а он – в законе! Так что главное, чтобы ты дал согласие. Но имей в виду: согласие дашь – обратного хода тебе уже не будет. – И весело заржал: – У нас всегда так: вход бесплатный, а вот выход... Так что готовься. Дурачок, чего ты менжуешься? Тебе же завидовать будут. Ты – законник. Все тебе подчиняются, кого надо убрать – только свистни, к тому же общак у тебя, а ты его полный хозяин. А? Я бы и сам бы, да меня не возьмут – не любят урки нашего брата мента. А ты типа валютный жулик...

В конце концов, устав ни за что париться в страшной вонючей камере, Разумовский счел возможным согласиться. И тут же пожалел об этом: Гуськов, скотина, с ходу начал демонстрировать свое презрение к нему, стукачу. Игорь Кириллович взбрыкнул было оскорбленно, но заднего хода для него, как майор и обещал, уже не было. Так до сих пор он и числился по ведомству стукачом, осведомителем, хотя – с давних уже пор – был успешным бизнесменом, по-настоящему уважаемым в уголовном мире вором в законе. Суровым, но справедливым, заставляющим себя уважать даже в ментовке... Да и стукачом он как бы не являлся – был, что называется, информатором, нештатным сотрудником начальника ГУБОПа по вопросам жизни уголовного мира. Поначалу он еще волновался, как бы кто из братвы не пронюхал про его сотрудничество с ментовкой – за это можно было без долгих разговоров получить в бок перо, на чем кончились бы и бизнес, и карьера «советника». Но время шло, никто ничего не узнавал, тем более что люди в милицейском аппарате часто менялись, так что о его двойной жизни знали очень немногие. К слову сказать, люди менялись, не менялся только его куратор, который, не без содействия Игоря Кирилловича, успешно поднимался вверх по служебной лестнице. А может, сказывалась тут давняя дружба с человеком, ставшим сравнительно недавно милицейским министром... Заботами нынешнего руководителя ГУБОПа Игорь Кириллович, Грант, стал даже смотрящим над половиной столицы, своим человеком и в уголовном мире, от которого он, впрочем, держался на известном расстоянии, и не чужим – в милиции, от которой он тоже старался дистанцироваться. И никто из непосвященных ни о чем не догадывался. По крайней мере так было до недавнего времени, пока в Москве не появился и не начал набирать силу среди солнцевской братвы авторитет из молодых по кличке Кент...

8

Если бы на следующий день, перед обедом, выбежавшая за пирожками Леночка заглянула в салон видавшего виды «жигуленка», стоявшего на Басманной совсем неподалеку от их офиса, она бы сразу признала в водителе этой машины вчерашнего телефонного мастера. Тот сидел в расслабленной позе человека, отдыхающего после утомительной дороги, делал вид, что дремлет; на самом же деле он зорко следил за улицей, машинально, по профессиональной привычке замечая все наиболее существенное – мало ли, может как раз пригодится потом для чего-нибудь вспомнить, что вот эта Грантова секретарша выскочила на улицу ровно в 13.15 и перебежала через дорогу в кондитерскую. Он нисколько не боялся, что она его опознает. Во-первых, он заметил ее раньше, так что если надо – успел бы отвернуться или как-то иначе спрятать от нее лицо. А во-вторых, она, свистушка, даже и не подумала посмотреть в его сторону – что ей какой-то задрипанный «жигуленок». Вот если бы «вольво» или «мерседес»...

Так что Мастерила, такая была у этого человека кличка, по-прежнему как сидел, расслабленно откинувшись назад, так и остался сидеть в своей желтой «трешке», в которой он с упорством настоящего охотника дожидался клиента. При том что глаза Мастерилы не знали покоя, голова его была совершенно пуста. Он даже не дал себе труда хоть на секунду задуматься, как будет пасти свою жертву. Чего думать раньше времени? Когда Разумовский поедет, тогда он и будет думать, как не отстать от «клиента» в московских пробках, как, упаси бог, не потерять его ну и, само собой, не попасться ему лишний раз на глаза.

Конечно, можно было бы сразу, заранее поехать на Житную – теперь, когда работал поставленный им вчера «жучок», он точно знал, что «клиент» едет именно туда, знал и к какому конкретно часу. Вообще-то Мастерила был киллер, и если бы у него было всегдашнее задание – шлепнуть заказанное лицо, он бы так и сделал. Но в том-то и гадость, что задание у него было сегодня необычное – Мастерила должен был пока всего лишь сфотографировать Гранта, как тот входит в ментовское гнездо, как выходит; если с кем здороваются за ручку – тоже; за это ему даже была обещана отдельная плата. Заказчику нужен был компромат, но компромат очень своеобразный: свидетельство братания Гранта с ментами. «Фотоохота, блин!» – презрительно подумал Мастерила и даже приоткрыл со своей стороны стекло, чтобы возмущенно сплюнуть. Как бы то ни было, он стоял сейчас не на Житной, а на Басманной, чтобы проследить клиента от самого начала – а ну как Грант по дороге завернет еще куда-нибудь, с кем-нибудь встретится. За такую дополнительную информацию заказчик тоже обещал отдельную плату. Так сказать, премиальные.

Заказчик был ему чем-то подозрителен: рожа страшная – кожа да кости, просто живой череп какой-то, а главное – уж очень он был похож на бывшего военного. А может, и нынешнего, только переодетого. У него и ботинки были форменные – это Мастерила сразу заметил своим натренированным глазом.

«Я понимаю, что тебе вроде бы не по профилю, – объяснял, как бы извинялся заказчик, – но понимаешь... Шлепнуть ты его всегда шлепнешь. Но потом. А сейчас нам надо на него этого... компромата подсобрать, понял? И побольше, побольше, чтоб было его потом за что убирать. Постарайся, братец, и монета тебе гарантирована. Хорошая монета, сыном клянусь!»

Он был поэтом своей профессии – например, иногда размышлял о том, что в древности основными знатоками анатомии были, наверно, не доктора, а палачи. Удушить, отрубить какой-нибудь член, сломать хребет, пустить кровь, выколоть глаз, оскопить – для всего этого надо детально знать, как устроен человек...

Он любил оружие, но и понимал, что все эти старые способы – стрельба, удавка, нож – это все устаревшее говно. Его очень интересовали последние достижения третьего тысячелетия, а в числе этих достижений главным образом были яды – весьма гуманный, щадящий и жертву и

палача способ умерщвления (исключая, конечно, те случаи, когда жертва приговорена к смерти мучительной). А уж современные яды – это вообще одно из чудес, порожденных человеческой мыслью.

Например, помазал край рюмки такой бякой – и все. Ни одна экспертиза через несколько часов ничего не раскопает (так, например, ухлопали «лукойловского» гения Шмидта или, по слухам, Собчака).

Надо убрать чиновника – пожалуйста. Одно вещество наносится на дверную ручку, второе – на телефонную трубку. По отдельности оба этих вещества совершенно безвредны. Но вот человек пришел на службу, открыл дверь, сделал звонок – и все. Яды на его руке вошли в соприкосновение, и пошло-поехало. Чахнет бедный титулярный советник, и все тут. И никакая медицина ему уже не поможет...

Или вот радиация. Теперь вроде все про нее знают. И зачем атомная бомба, зачем Чернобыль. Чуть-чуть радиоактивного вещества где-нибудь в кабинете того же титулярного советника, лучше всего сделать закладку в телефонную трубку – и готовьте венки...

А вот последнее достижение непоседливого человеческого ума. Допустим, интересующий тебя персонаж ездит в машине. Ты, к примеру, знаешь, где он должен проехать. И вот, если на этом пути есть лужа – подсыпь туда определенного вещества. Стоит машине пересечь эту лужу, обмакнуть в адский коктейль колеса, как через несколько минут все в салоне мертвы... Ну не чудо ли? Не прелесть? А главное, попробуй найди потом виноватых... Да, прогресс – великая вещь. Жаль только, что сейчас от него, от профи, требуется другое. Ну да ничего, квалификации он не потеряет. Правильно эки говорят: «Чего съел – того не отнимут».

Мастерила поначалу сдуру даже попробовал было отказаться – не его, мол, профиль, а потом подумал: да какая разница! Тем более что фотоаппараты сейчас стали – делать не хрена, только дави на кнопку, и все. Какая тебе, в натуре, разница – на кнопку давить или на спуск снайперки...

О «клиенте» Мастерилла знал немного, и, естественно, то, что ему сказали люди заказчика. Знал, что он ссучившийся законник, что раньше был в силе, числился даже авторитетным смотрящим, а теперь вот скурвился. Не то он кого-то заложил, не то деньги из общака под себя пригрел, так что и братва в обиде, и большие люди, от которых, собственно, заказ и идет. Кто они, эти большие люди, знать ему было не положено, да он к тому и не стремился. Только ощущение было какое-то раздвоенное: не то за этим Грантом урки охотятся, не то сами менты... Впрочем, если честно, вообще-то эти подробности – кто да за что – его почти не интересовали. Он вообще старался никогда не воспринимать заказанного как живого человека. Начнешь вникать – еще, пожалуй, и пожалеешь. А так он, Мастерилла, как божья кара, как гнев господень: покарал, значит, так надо, все равно уже ничего не поправишь... Его дело было теперь выполнить задание как можно успешнее, за что и получить свои деньги. И чем больше денег, тем лучше.

И он начал, как обычно, следить. Как обычно – это значит вот что. Всегда перед тем, как замочить «клиента», он самолично узнавал его привычные маршруты, его повадки – когда в баню, когда к любовнице, что из себя представляет охрана... Вообще-то задал ему новый клиент мороки. Ну начать с того, что был он жуткий ходок, бабник. В поле зрения Мастериллы по крайней мере попало сразу две его пассии: маленькая черненькая шустрячка, живая, словно ртуть, с которой клиент встречался в самых неожиданных местах и, судя по всему, имел горячие любовные утехи в самые неподходящие моменты. А вторая вообще отпад – известная певичка, эстрадная звезда. Яркая, нафуфыренная. Но с этой клиент больше встречался по вечерам да ночами, все больше ошивался по злачным местам – то ресторан, то казино, то какой-то, прости господи, фитнес-центр, на вывеске которого красовались полуголые, соблазнительные бабенки. Была еще девчонка-секретарша из клиента офиса. Эту Грант самолично пару раз подвозил до дома. Всего пару раз, но судя по тому, как, расставаясь, долго держал

за ручку, имел на нее виды. Этот вариант Мастерила в душе даже одобрил: чернявая, на его вкус, была уже слишком пожившая, слишком опытная, про певицу вообще речь не шла – это была такая прожженная курва – никаких денег не напасешься, была у него у самого когда-то одна похожая – сто рублей убытку, а не баба. А вот секретуточка была самое оно, в чем он лишний раз мог убедиться, когда ставил «жучка», – спокойная, скромная, такую доведись – и удочерить не страшно...

Но бабы – это бы полдела, все мы живые люди, а была у клиента одна страсть, которая вообще ни в какие ворота. Он, эти его мать, раз в неделю, а то и два ездил на подмосковный учебный аэродром – он, видите ли, прыгал с парашютом! Ну скажите, нормальный человек? Это ж надо придумать, как адреналином накачиваться! Одни на мотоциклах гоняют, другие по скалам без страховки лазают; там, на том же аэродроме, один знаменитый телевизионный ведущий каждую неделю на самолете летал. А этот... Честное слово, недоразумение какое-то, а не клиент!

И вообще, чем дольше он к этому клиенту приглядывался, тем больше крепло в нем убеждение, что в чем-то заказчик явно морочит ему голову. Ну, во-первых, про этого Гранта говорят, что он богач, чуть ли не олигарх, а он ездит практически без охраны. Сказали, что законник, а он на законника ну никак не тянет, хотя и общается иногда с братвой – этого Мастерила, конечно, не мог не засечь. А вообще-то лох, пижон и вся повадка у него лоховская: похоже, даже и не думает о том, что ему может хоть что-то угрожать. Что это? Беспечность? Раздолбайство? Водила его, похоже, таскает под мышкой пистоль, но самое смешное, что само водила с Грантом ездит не всегда – все больше «клиент» норовит вести сам, то есть ездить без всякого прикрытия. Ну типичный лох. Его и с самого-то начала не жалко было – заказали какого-то уroda, чего его жалеть. А вот когда заказчик попросил зафиксировать, как этот Грант с ментами обнимается, тут Мастерила на него даже загорелся сердцем, да так, что хоть прямо сейчас шмальни в него, чтоб не мотаться почем зря по всяким там казино да аэродромам. Однако ему строго-настрого было наказано: пока – только следить и щелкать фотоаппаратом. Щелкать как можно чаще и ни о чем не думать – камера суперсовременная, сама, можно сказать, снимает...

Ну что ж, заказчик – барин, правда, через какое-то время Мастерила все равно малость заежился: следить-то он следит, а время идет, и все за те же бабки. А что, если «клиент» только через месяц с ментами встречаться будет? Или через полгода? Этак он вообще прогорит. Сколько бы он за это время «нормальных» заказов смог принять... «Не бенди, – успокоил его заказчиков человек, работавший с ним в последнее время. – Мы тебе поможем, понял? Мы его для тебя выманит...»

Вот этого малого, который представился так: «Ты зови меня, как мама звала, Виталиком. А вообще-то погоняло у меня – Кент. Может, слышал про такого?» – этого малого Мастерила как раз понимал, не то что непонятого заказчика. Этот был прост и ясен, и вся его уголовная биография была словно написана на его прелестном кирпичного цвета личике. И все равно он тогда не поверил этому Виталику – как это они выманят «клиента». А зря не поверил, котелок у Виталика варил как надо – вот он, его «клиент», готов выехать на Житную, своими же ушами и слышал с помощью вчерашнего жучка, как этот Грант, сука продажная, договаривался с генералом Гуськовым о встрече. Жалко, что прослушка не у него в машине – сейчас знал бы и когда тот конкретно будет выезжать, и завернет ли еще куда-нибудь... Однако стоило ему об этом подумать, как у него затрзвонила «мобила», валявшаяся на сиденье рядом. «Ну вот и поехали», – подумал он и не ошибся.

– Не спишь? – спросил нахрапистый голос, который он сразу признал: Виталик! – Хватит яйца мять, сейчас поедешь, понял! – вдохновил его Виталик-Кент.

– Не знаешь, куда заворачивать не собирается?

– Вроде ни с кем не договаривался. Так что все идет, как решили. Давай только без самодеятельности, ладно? Он, этот Грант, мужик хитрож...

Мастерила, конечно, не знал, что Кент в это время размышлял, сообщать ли ему, что Грант вроде договаривался с кем-то последить насчет хвоста, но, подумав, говорить не стал. Во-первых, информация была неточная, во-вторых, зачем волновать исполнителя перед делом? Пусть работает себе и ни о чем не думает. Сказал только:

– Ты там аппаратурой-то особо не тряси, смотри, чтоб не засекли. Давай, Женька, ни пуха тебе...

Мастерила растрогался. Женькой его последний раз называли лет пятнадцать назад, еще до армии...

Он, вернее, они доехали до Житной без происшествий. «Клиент» и на этот раз был без охраны, и Мастерила уже десять раз мог бы его шлепнуть, а вместо этого он тащился за ним следом, парился в трех огромных пробках, пока они наконец не выскочили к Житной со стороны Серпуховки. «Клиенту» это было просто – он собирался въехать за ворота, к самому зданию МВД, Мастерила было труднее – за ворота его никто, конечно, не пустит, а и пустили бы – он сам бы не полез в эту ловушку. Но это ничего – он позаботился об этом раньше, и теперь у него было припасено местечко на стоянке рядом с забором министерства. Стоянка была служебная, принадлежала большому нефтегазовому тресту, но они с Кентом договорились заранее с мужиком, управляющим шлагбаумом, купили место на неделю за полштуки баксов. Здесь была одна замечательная точка: рядом с министерским забором, из-за прогала в кустах акации, виден был весь двор министерства и парадный вход под квадратными колоннами, придерживающими своеобразный угловой портик.

Он ловко, едва не задев соседнюю машину, воткнулся рядом с чьей-то пыльной «девяткой», и очень вовремя – он увидел, как «клиент» как раз вышел из своей машины и теперь закрывал ее. То есть у Мастерила было несколько секунд, чтобы изготовить камеру к работе. Потом он, приоткрыв форточку (вот еще чем хороша «трешка» – у нее в передних окнах форточки), щелкнул раз десять, пока Грант шел к портику, поднимался на его приступку, как, стоя рядом с вывеской ментовской конторы, тянул на себя тяжелую дверь.

Все это было очень похоже на работу со снайперкой: он ловил фигуру «клиента» в зрачок видоискателя с прицельным кружком по центру, затаив дыхание, давил на нужную кнопочку, и камера оживала, выбрасывала вперед объектив... Хорошая игрушка, надо будет себе такую тоже купить – мало ли что, сгодится... А что, выйдет на покой – может, правда, фотографией займется? Вон какое увеличение – птичьи глаза крупно заснять можно метров со ста... Щелкающая, он не забывал проверяться. Вроде вокруг никаких посторонних глаз, никаких случайных (и неслучайных – тоже) наблюдателей...

Когда Грант исчез за дверью, Мастерила тут же убрал камеру, засунул ее поглубже в перчаточное отделение, потом подумал и переложил под соседнее сиденье. Мало ли что, бережного, как говорится, и бог бережет. Потом он парился в машине еще, наверно, час, если не больше – машина на солнце нагрелась до того, что в ней нечем стало дышать. В конце концов, он открыл дверцу и долго сидел так, готовый в любой момент начать действовать... И снова у него все получилось: через час тридцать пять (теперь-то, когда время погонять стало не нужно, Мастерила позволил себе взглянуть на часы) «клиент» снова появился во дворе, причем не один – его сопровождал высокий красномордый мент в штанах с яркими лампасами – не просто легаш, а король легашей. И, словно позируя перед его камерой, герой и ментовский начальник обнялись и облобызались, да так горячо, будто не расставались, а только-только встретились. «Что и требовалось доказать», – довольно пробормотал Мастерила, снова пряча так замечательно сослужившую ему службу камеру. «Вот все говорят: грех убивать, грех. Мама-покойница внушала: „Спать, мол, Женька, не будешь, а будут тебе покойники являться... Но неужели же и такую вот суку, как его клиент, шлепнуть – это тоже грех?“ –

упрямо думал Мастерила, наблюдая настороженно, как Грант, вместо того чтобы усесться в свой черный „мерседес“, вдруг встал словно вкопанный, пристально глядя в его сторону.

У него снова заверещала «моби́ла», но он решил для себя: возьмет телефон в руки только тогда, когда отъедет отсюда подальше, на безопасное расстояние...

Пора было сматываться! «И ни хрена они не снятся, маманя!» – еще подумал Мастерила, врубая зажигание.

9

– Пожалуйста, Игорь Кириллович! – сказал ему офицер, возвращая паспорт с вложенным в него листком пропуска. – Второй этаж.

– Спасибо, я знаю, – кивнул благодарно Разумовский.

«Надо же, – подумал он при этом о Гуськове, – генерал-лейтенантом стал, а забуреть не забурел, не забыл заказать пропуск. Чаще наоборот бывает. Благородно!» – подытожил он с усмешкой. «Благородно» раньше было любимым словом Гуськова. В ресторан его ведешь, войдет в зал, оценит интерьер и, если понравится, если богато, непременно скажет: «Благородно!» Взятку несешь, пересчитает – все в порядке: «Благородно». Успешно облегчился в туалете, попал струей в писсуар – опять «Благородно!»...

Игорь Кириллович шел по «начальницкому» коридору – тихому, малолюдному. Ноги, утопая в толстом ковровом покрытии, делали шаги совершенно бесшумными, и, может, поэтому он напрягся, когда на его пути открылась с тихим шорохом одна из боковых дверей и оттуда вышел, словно бы специально поджидал его, генерал-майор милиции Суконцев. Они были давно знакомы, Суконцев прекрасно знал, кто он такой, но сейчас, в новых генеральских погонах, не счел нужным ответить, когда Игорь Кириллович кивнул ему в знак приветствия. И Разумовский, не сбавляя скорости, пошел дальше, чувствуя, как Суконцев, вынужденно пристроившись сзади, идет за ним следом. Ощущение возникло исключительно неприятное, будто Суконцев конвоирует его. Игорь Кириллович даже приостановился, чтобы пропустить генерала вперед, но тот тоже притормозил и с кислой миной показал гостеприимно широким жестом – ничего, мол, иди первым. При этом он вдруг почему-то даже снизошел до разговора с ним.

– Что, к Гуськову? На прием?

– Точно так-с, – ответил Игорь Кириллович. – Владимир Андреевич мне на три назначил. – Он уже догадывался, что движутся они в одном направлении и теперь уж так и будут двигаться вместе. И угадал.

– Ну вот видите, и я к нему, – неизвестно зачем сообщил ему Суконцев и снова замолчал.

«Ну и личико, – подумал Игорь Кириллович, стараясь не смотреть на генерала. – Увидишь во сне – проснешься в холодном поту!» У Суконцева было длинное, узкое лицо, холодное, бесстрастное и такое костистое, словно под обтягивавшей его череп кожей не было ни мышц, ни других мягких тканей – недаром его сослуживцы за глаза звали «СС – Мертвая голова». Единственное, что портило точность этого замечательного прозвища, полные, алчно-красные губы, выделявшиеся на этом лице таким ярким пятном, что казались неприятно порочными, будто подведенными помадой. «Надо же, а сынок почему-то мордастый, как Гуськов. Может, Суконцев и бабу свою начальнику удружил?», – почему-то подумал Игорь Кириллович и тут же укорил себя: не к чему свою злобу против Толика переносить на кого-то еще, тем более на какую-то женщину, которую он и в глаза-то не видел...

Так они и шли: Грант впереди, Суконцев сзади, как конвоир – почему-то не захотел идти рядом, ронять свое генеральское достоинство. «Шаг влево, шаг вправо... считается побегом», – усмехнулся про себя Игорь Кириллович и со злости даже подыграл малость: заложил руки за спину – арестованный, да и только, разве что вместо робы – дорогой французский костюм с белоснежной сорочкой и кокетливо выпущенным из нагрудного кармана платочком той же ткани, что и галстук.

Впрочем, на пороге гуськовского кабинета они все же поменялись местами. Суконцев, не слишком вежливо отгеснив его, вошел в «предбанник» первым.

– Подожди пока, – буркнул ему свежее испеченный генерал, намереваясь войти к начальству в одиночку, но вставшая им навстречу секретарша все переиграла:

– Владимир Андреевич просил сказать, чтобы господин Разумовский заходил сразу, как появится.

Суконцев хотел было возразить что-то, но секретарша, решительно распахнувшая дверь гуськовского кабинета, громко, чтобы слышал хозяин, объявила:

– Пришли оба, Владимир Андреевич!

Гуськов сидел за огромным рабочим столом, развалившись в своем громадном кожаном кресле, как в дачном шезлонге – расположился полулежа, выбросив далеко впереди себя ноги, длину и начальственную значимость которых подчеркивали широкие алые лампасы. Он и не подумал вставать вошедшим навстречу, не оторвался от телефона, по которому говорил, только показал вяловато-властным жестом свободной руки – проходите, мол, чего застряли-то.

Внешне Гуськов являл разительный контраст своему заму: Гуськов был мордастый, сангвинически-краснорожий, немного даже заплывший. И, в отличие от угрюмо-унылого Суконцева, шумный, моторный. Этаким, если судить по внешности, любитель выпивки, баб и анекдотов.

Игорь Кириллович невольно прислушался, сразу поняв, о чем говорит хозяин кабинета с невидимым собеседником.

– Что-то они у вас там пораспустились, эти журналюги долбаные!.. Мне по барабану в общем-то, но ведь тень на все управление, на доблестных наших бойцов, вот что обидно! Ведь случись что – сами же к нам и бежите: ах спасите, ах помогите... – Почувствовал на себе взгляд Игоря Кирилловича, посмотрел весело-злыми глазами, заговорщически подмигнул ему, страшно оскалив при этом недавно вставленные голубоватые зубы из металлокерамики. (Лишь бы не выбил кто по пьянке, а так – лучше собственных, – хвастал он и жутко клацал полюбившимся новоприобретением.) – Да что вы все чуть что – сразу демократия, демократия. Я же не говорю тебе: закрой, мол, газету. Я говорю: ребята, знайте меру, не плюйте в колодезь. Если никто не будет уважать ни власть, ни ее представителей, какая же у нас демократия будет? Это, знаешь, собачья свадьба будет, а не демократия!..

Наконец он, явно довольный разговором, повесил трубку, приходя в себя, с веселым недоумением посмотрел на посетителей.

– Давайте, давайте, что вы там как бедные сироты в дверях застыли! – Сказал персонально Игорю Кирилловичу: – Обрадовался небось статейке-то? Думаешь, поди, надо спешить пользоваться, пока Гуськов при власти, а потом и хрен бы с ним?

– Ну зачем вы так, Владимир Андреевич. Подумаешь, квакнул журналистишка! Я думаю, он уже может считать себя безработным, нет?

– Это самое мягкое, дорогой, самое мягкое, чего я ему хотел бы... Хотя, конечно, чешутся руки, да нельзя. Все-таки замминистра я, человек на виду... – Гуськов, судя по всему, чувствовал себя таким неуязвимым, что не побоялся даже такой откровенности: раздавил бы, мол, гниду, да жаль нельзя – на виду теперь...

Однако Суконцев этой откровенности не одобрил. Кашлянул многозначительно, сказал, стараясь никак не называть Игоря Кирилловича:

– Он говорит, ты ему назначил. Правда, что ли?

– Правильно говорит, – кивнул Гуськов, делая пометки в лежащих на столе бумагах. – У тебя что – сомнения какие-то на этот счет?

Суконцев неопределенно пожал плечами.

– Не боишься с ним вот так, в открытую встречаться?

– А что такое? – довольно искренне удивился Гуськов, отодвигая в сторону бумаги. – Что, разве не могу? Я же не с преступником каким встречаюсь, как некоторые сволочи пишут, а с известным бизнесменом.

Игорь Кириллович понял: за всем этим разговором стоит какой-то другой, наверно, даже недавний. Поди, как следует обсудили тут на пару статьи Штернфельда, не иначе...

– Ну вообще-то, – осторожно пояснил-таки Суконцев, – я бы на твоём месте все же поостерегся... По крайней мере сейчас...

– Ну ты пока, слава богу, не на моём месте! – парировал хозяин кабинета. – И вообще, может, он ко мне по вопросам благотворительности. Как, Гарик, ты не по этим вопросам?

Игорь Кириллович, не раздумывая, включился в игру:

– Как раз по ним. Насчет вашего, Владимир Андреевич, Фонда социальной поддержки сотрудников милиции.

Действительно, был такой фонд, работавший под эгидой самого Гуськова, и взносы в него добровольно-принудительно платили многие процветающие столичные предприниматели.

– Ну разве что фонд, – нехотя кивнул Суконцев. – Повод, конечно. А все равно поостерегся бы. Стукнет кто – не отмоешься...

Хозяин кабинета ощерился в нехорошей улыбке:

– А кто стукнет? Я не стукну, Гарик не стукнет – ему ни к чему. Если только ты. А? Больше ведь о нашей встрече никто вроде не знает. Ты как, Семен, способен?

– Ну зачем ты так? – мягко укорил его Суконцев.

– Зачем? Как ты там любишь говорить? Крыса, дескать, сама маленькая, а защищается как большой зверь? А?

– Ну зачем ты так, – снова повторил Суконцев. – Что я, про себя, что ли, говорил...

– Значит, не стукнешь? Ну вот и хорошо, что не стукнешь. Стало быть, мы с господином Разумовским можем покалякать... с глазу на глаз, чтобы у тебя соблазна какого не возникло... Меньше знаешь – лучше спишь, как наш с тобой контингент выражается. А пока ты еще здесь, ты мне вот что скажи, дорогой товарищ генерал-майор. Сколько можно терпеть унижения от этого... как его... Штейн... Штерн...

– Штернфельда, Владимир Андреевич!

– А мне один хер! Ишь ты, взятки я, видите ли, беру. Да какое тебе-то дело?! Я тебе когда сказал: Семен, сделай что-нибудь! Ты уже меры принял?

На гуськовского зама даже смотреть не хотелось – становилось жалко эту костлявую сволочь.

– Думаем, Владимир Андреевич, как лучше...

– Думают они! Ты мне, братец, давай гениталии-то не крути!.. Штерн – это чего, звезда, что ли, по-ихнему? Звездунов, значит...

– Так точно!

– А ты и рад блеснуть. Полиглот, понимаешь. А твоя задача не в слова играть, а заткнуть этого Звездунова, чтобы он и вякнуть больше не смел! Чтоб не звездил! Ты смотри, Семен! Я ведь на расправу мужик крутой! Я тебе уже два раза намекал – ты не понял. Теперь вот говорю напрямую и при свидетеле: не заткнешь – не спасут тебя ни твои погоны, ни поплавок твой академический. Хрен ли толку, что ты академию кончал, если такое простое дело сделать не можешь!

Дело было вовсе не простое, но кто бы осмелился сейчас Гуськову возразить? Только не Суконцев. И уж конечно не Грант.

Суконцев, белый, напряженный, стоял навтыяжку, стоял и Грант, с ленивым и веселым любопытством ожидая, что же будет дальше. Какое счастье, думал он, что его напрямую не касаются все эти истерики, что он не служит официально ни в этом здании на Житной, ни в каком-либо другом.

Суконцеву бы оставить Гранта в приемной замминистра и, проигнорировав секретаршу, сначала заглянуть к нему, узнать, в каком начальство настроении, а он, балда, поперся напрямую. Ну и получил – Гуськов, словно Гранта здесь и не было, распекал Суконцева, крыл его почем зря, а тот стоял, боясь даже пошевелинуться, и страшно было видеть, как этот немолодой в общем-то человек, совсем недавно получивший генеральское звание и все еще то и дело

скашивающий глаз на новые погоны, словно уменьшался в размерах. Вот зачем только Гуськов устроил этот разнос при нем? Ведь теперь этот Суконцев, который и так его, мягко говоря, не жалуется, будет ненавидеть Игоря Кирилловича всеми фибрами! А, ладно, бог не выдаст, свинья не съест!

Устав от всей этой нервной ситуации, Грант решительно сел, не дожидаясь больше приглашения хозяина, чем того несколько не удивил. Сел – и ладно. Надо будет – припомнит обязательно, а сейчас не до того. Грант понимал Гуськова: очень уж донимал его, замминистра, куратора и шефа Главного управления по борьбе с организованной преступностью, этот Штернфельд, ухитрившийся каким-то образом раскопать такие сведения о генерале, каких и самые близкие его сослуживцы знать не могли. Все эти сведения были правдой, а вся эта ситуация свидетельствовала о том, что не только урки имеют в ГУБЮПе надежных информаторов, но и журналист скандальной газеты тоже. Чем больше Грант слушал Гуськова, тем больше понимал, что того сейчас интересовал даже не сам источник информации Звездунова, сколько необходимость как можно быстрее и как можно надежнее заткнуть ему рот. Уж больно не ко времени погнал бумагомарака волну! Оно и всегда-то не ко времени, но сейчас... Тут вот-вот министр МВД сменится, закачался уже – и что тогда? Сушить весла? Да и академический поплавок Суконцева не зря он зацепил, словно подчеркнув лишний раз свою неприязнь – неприязнь человека, поднявшегося наверх с самого низа, из оперативников, к тем, кто протирал зады на школьных и студенческих партах, к тем, кто брал чины усидчивостью, а не собственной шустростью и отчаянной хитростью, направленной не столько на искоренение преступного элемента – что с ним, бороться, что ли, некому? – сколько на неуклонное карабкание по служебной лестнице. Да и то ведь подумать: еще полгода назад он, Гуськов, был всего лишь полковником, каких тысячи и тысячи, а сейчас он уже генерал-лейтенант милиции. Вот что значит научиться оказываться в нужное время в нужном месте. А генерал-лейтенантов, извините, считают уже на шути.

Наконец Гуськов, решив, что достаточно наскипидарил подчиненного, оборвал себя на полуслове, вытянулся в своем кресле, убрал ноги в лампахах под стол, и сказал вполне миролюбиво:

– Садись, Семен, чего стоишь-то! – Сказал с такой интонацией, как будто тот по какой-то странной причуде не хотел до сих пор садиться сам. Спросил деловито: – Ну так что ты предлагаешь? Давай, давай делись, что ты там надумал. И боже упаси тебя решить, что ты мне одолжение делаешь. Загремлю я, загремишь ты – это однозначно. – При этом он почему-то пристально смотрел на Гранта. – Какого хера я тебя столько времени поддерживаю, можно сказать, за уши ташу! – снова сказал он задумчиво. – Сам не можешь ничего придумать – посоветуйся с какими-нибудь умными людьми. Но как-нибудь так, осторожно, понимаешь. Давай-ка хоть вон его, Гранта, к этому делу привлечем! – И, словно не замечая, как произвольно скривился Суконцев, продолжил, радуясь внезапно пришедшей в голову идее: – Вот, между прочим, у кого котелок варит. Я другой раз, между нами, девочками, ему сам завидую! Он деньги такие гребет, такие деньги – Рокфеллеру такие не снились. Должен, между прочим, когда-нибудь и с другими поделиться, и знаешь почему? Хорошая голова – дар божий. А дар божий – он как бы всем принадлежит! – И заржал довольный. – Ты как считаешь, Сеня?

Ну и, спрашивается, как при такой постановке вопроса должен был считать Суконцев? Конечно, он считал точно так же, как заместитель министра генерал-лейтенант Гуськов, его непосредственный начальник... В то же время разговор становился опасно двусмысленным. Однако Гуськов, слава богу, не стал углубляться в скользкую тему дележки – так, намекнул, чтобы подергать нервы, и вернулся к тому, что его сейчас волновало больше всего.

– Ну так что, друг Гарик, – снова обратился он к Разумовскому, – может, ты мне чего соизволишь подсказать? Грызет, жиденок, как блоха. Не так больно, как беспокойства много. И прихлопнуть не могу, и беспокойства – выше крыши. Давай, голова, думай, картуз куплю...

– Картуз – это хорошо, – усмехнулся Игорь Кириллович. – Да только чего тут особо придумаешь-то... Ухлопать его нельзя, верно?

– Ухлопать – ни-ни! Ты чего, парень, даже забудь думать! Хватит одного Холодова. Это сразу же на меня и подумают. Дескать, вот честный журналист генерала покритиковал, а генерал его за критику и замочил... Нет, мне бы как-нибудь понезаметнее, но чтобы наверняка.

Игорь Кириллович посмотрел на озабоченное лицо хозяина кабинета и вдруг его осенило:

– А ты, Владимир Андреевич, привари по яйцам не ему, а его хозяину, а?

– Да? – встрепенулся Гуськов. – А что, это дело. – Повернулся к Суконцеву: – Слушай, Семен, по-моему, отличная мысль! – Снова повернулся к Игорю Кирилловичу. – А ну давай развей нам с товарищем генерал-майором поподробнее.

– А чего подробнее? Он, его хозяин, этот знаменитый медиамагнат, малый сообразительный, судя по тому, как он на всяких телевизионных ток-шоу крутится, словно уж. Помните, как он в «Итогах» поливал-поливал генералов за коррупцию, а потом, когда замсекретаря Совбеза ему руку протянул, никуда не делся, подал, интеллигент гнилой... Он же, по его характеру, любого серьезного нажима должен бояться... Вот я и думаю: если ему намекнуть как следует – сразу поймет что к чему. А не поймет – можно намекнуть и еще раз.

– А ну-ка, ну-ка! Это как же?

– Да ну чего мне вас учить-то, вы, я думаю, сами кого угодно научите. Сообщите ему, что, дескать, пришел сигнальчик: налицо в вашем самом популярном издании финансовые нарушения, дескать, объективно картина такова, что жалкая кучка владельцев газеты, захвативших при приватизации контрольный пакет акций, сплошь и рядом нарушает финансовую дисциплину, практикует черный нал, туда-сюда... – Он словно бы пересказывал вчерашний телефонный звонок Кента, и не без умысла: если угроза исходила от самого Суконцева, ему труднее будет после этой сцены плести свои интриги. – Сообщите, что налоговики просят вас прислать в газету для проверки отряд бойцов в масках... Да он сам, этот магнат сраный, тут же прибежит на полусогнутых, чтобы найти, кому повалиться в ножки. И все! Попробуй потом докажи, что имел место факт шантажа!.. Э, да что мне вас учить-то! Ученого, как говорится, учить – только портить.

– Во! – Гуськов в восхищении снова повернулся к Суконцеву. – Ты понял, как надо мыслить? Раз – и на оперативный простор! И действительно, уличи меня попробуй в чем плохом! Я – на страже государственных интересов, и все тут. А ты – сразу убивать! Снайперы! Заминированный «дипломат»!

– Да ничего я этого не говорил! – посмотрев на Игоря Кирилловича с ненавистью, попытался защититься Суконцев. Его угрюмо-костистое лицо стало даже плаксивым от несправедливой обиды.

– Не говорил, так думал! – пренебрежительно отмахнулся Гуськов. – Золотая твоя голова, Гарик! – снова обратился он к Гранту. – Не был бы я традиционной ориентации – расцеловал бы!

– Нет уж, спасибо, – Грант энергично замотал своей красиво седеющей головой. – Лучше деньгами.

– Деньгами – это само собой, – согласно кивнул хозяин кабинета. – Вот обложим этого самого магната взносами в наш фонд – 25 процентов со сбора по праву твои!

– А почему не пятьдесят?

– Э-э, ты, брат, не зарывайся. Не забывай, кто ты, а кто я! Это я с тебя должен получать, а не ты с меня!

– Ну да, что положено кесарю – то мимо рыла у его подданных... – хмыкнул Грант.

– Да куда тебе деньги? – притворно удивился Гуськов. – Ты и так гребешь, как Рокфеллер, я знаю. – И повернулся к Суконцеву: – Ладно, Сема, ты свободен... – гмыкнул, – как сопля в полете... Иди обдумай все как следует, а потом мне доложишь, как и что будем делать.

Грант про себя вздохнул с облегчением: наконец-то они останутся вдвоем и он сможет поговорить о том, из-за чего пришел сюда, в это логово милицейского начальства. О том, что его волновало больше всего остального.

10

– Ну работнички! – сказал ему Гуськов так доверительно, будто, едва за Сучковым закрылась дверь, они и впрямь стали лучшими друзьями. – Ну ничего, блин, сами не могут... Уж я его и в генералы произвел, а он все рукава жует... Другой бы все давно решил, давным-давно доложил бы, что дело сделано, а этот... – Он осекся, как-то по-новому вдруг посмотрел на посетителя. – Хотя вообще-то он стойкий ленинец. – Захихикал, довольный шуткой, спросил – опять же вроде бы в шутку: – Слушай, а ты-то чего с ним не поделил?

– Кто? – удивился Игорь Кириллович. – Я?

– Ну ты, ты, кто ж еще. Никаких у вас с ним конфликтов не было, так чтобы я не знал? Не прищемил ты ему как-нибудь самолюбие?! Он на этот счет ужас какой болезненный. Не могло так получиться, что ты ляпнул что-нибудь обидное, а сам и не заметил? А?

– Да чего мне с ним делить-то? – Игорь Кириллович смотрел на Гуся и никак не мог взять в толк, серьезно тот говорит или так своеобразно шутит. Известное дело, у генералов – и юмор генеральский. Нет, Гуськов вроде был совершенно серьезен. – Кто он и кто я...

– Да? – недоверчиво сказал генерал. – Но ты, между прочим, все равно его опасайся. Такая сука, хотя и ленинец! К слову сказать, что-то он на тебя последнее время бочку катит...

– Да с чего ему на меня бочку-то катить?

– А я откуда знаю! Твои проблемы-то. Я думал, наоборот, ты мне скажешь... Вот же, сучара! Ладно, давай замнем пока... для ясности. Ты чего хотел-то? А то мне, понимаешь, еще доклад начальству готовить. – Он постучал костяшками пальцев по голубой картонной папке с большой типографской надписью: «МВД. На доклад министру». – Я понимаю, ты просто так не пришел бы. Выкладывай давай в темпе, что там у тебя случилось, а то вон дергаешься сидишь.

– Дергаюсь? – переспросил Игорь Кириллович и улыбнулся. – Неужели так заметно?

– А ты как думал? Ты давай не дергайся, сейчас поговорим про дела твои... скорбные. Скорбные ведь? Или как? – Он снова вальяжно вытянулся в своем кресле. – Коньячку маханешь? – И заржал. – Сможешь, как Юлий Цезарь, сразу два дела делать? – Не дожидаясь ответа, полез в заветный секретер, назначение которого было хорошо известно наиболее приближенным к генералу людям, выудил оттуда пузатую бутылку «Хеннеси». – Видал какой? Я вообще-то больше наш, армянский уважаю... Но этот – подарок, понял? А дареному танку, как известно, в дуло не смотрят. – Снова засмеялся, нажал кнопку селектора: – Валя, нам, пожалуйста, кофейку и лимончик... Да-да, порежь! – Сказал, разливая коньяк по большим хрустальным рюмкам, извлеченным все оттуда же, из чрева секретера: – Золотая баба, между прочим. С полуслова все понимает.

«Еще бы она тебя не понимала!» – с легким пренебрежением подумал Игорь Кириллович о всем известной генеральской слабости к алкоголю. У него и в разговоре-то чуть чего – сразу: «Все вопросы только через буфет». Интересно, что он попросит за помощь? Если согласится, конечно, помочь...

– Ну, будем! – не мудрствуя, предложил тост генерал и лихо опрокинул свою рюмку. Игорь Кириллович последовал его примеру. Хотел оставить половину на следующий раз, но так и не решился – знал уже, что этим только даст хозяину повод напоить его как следует.

Появилась и бесшумно исчезла Валентина с подносом, и Гуськов жадно схватил с блюдца на столе тонко отрезанный и припорошенный сахарной пудрой лимонный кружок. После рюмки он сразу как-то повеселел, ожил, сказал нетерпеливо:

– Выпил? Сейчас еще накатим, а ты пока давай-давай рассказывай. Время-то у меня тоже того... казенное. – И как бы в доказательство маханул еще одну рюмку, отчего глаза у него заблестели, будто на них направили специальное освещение. – Ух, благородно! Кстати, если

насчет таможни – можешь ничего не говорить, я уже в курсе. Правда, пока не знаю, кто на тебя наехал, но это дело времени. У тебя есть какие-нибудь подозрения?

На какое-то мгновение Грант заколебался, на всякий случай незаметно обежал кабинет глазом. Черт его знает, этого Гуськова, а может, у него тут «жучки» кругом понатыканы.

– Что-то ты, брат, застенчивый стал, – по-своему понял его молчание Гуськов. – Ты кому прибежал в ножки-то поклониться, забыл? Я генерал-лейтенант милиции, между прочим, замминистра. Неужели ты думаешь, что я не смогу твой вопрос решить?! Но, – он сделал торжественную паузу, – не за так, конечно, понимаешь?

«Эх, заехать бы тебе в рыло!» – тоскливо подумал вдруг Игорь Кириллович, стараясь не смотреть лишний раз на этого захмелевшего красномордого генерала, который когда-то влез с ногами в его жизнь... Он еще раз, теперь уже не скрываясь, демонстративно огляделся, спросил:

– Слушай, Владимир Андреич, а говорить-то у тебя можно?

– Обижаешь, парень! Я, чай, у себя дома, не у дяди в гостях...

– А то они дома не подслушивают... – Игорь Кириллович сказал это так раздумчиво, словно бы все никак не мог решить, стоит ли ему выкладывать свои подозрения. А что, если все это затеял сам Гусь? Взял да придумал новый способ доить из него деньги? Не раз же говорил, не стеснялся, что и сам до денег жаден, и людей таких же уважает. «Жадный – это благородно. Знаешь почему? Потому что он без обмана. Я всегда с таким предпочту иметь дело, чем с каким-нибудь идеалистом. Жадный – он по крайней мере ясен, как стеклышко...». Вот он сейчас освободит груз, а через небольшое время сделает так, чтобы его опять арестовали. Значит, что? Значит, опять скажет: сделаю, но не за так! Нет, тут надо действовать как-то умнее, чтобы он раскололся. Если, конечно, он причастен ко всей этой истории.

А Гуськов тем временем демонстративно посмотрел на часы – дескать, время поджимает государственного человека.

– Ну давай, давай излагай, хватит жаться-то! – снова поторопил он. – Вы вот спросили меня насчет Суконцева... С самим Суконцевым дороги у нас, кажется, нигде не пересекались, а вот с Толиком-то его... Толик ведь как бы в ту же игру играет, что и мы с вами – это «мы с вами» было запущено, конечно, нарочно, чтобы генерал не забывал, на чьей стороне он должен играть или по крайней мере делать вид, что играет.

– Ну это ты хватанул! – сразу среагировал Гуськов. – Он же вроде как сын полка у нас, Толик-то. Да ты ж его сам и учил всему, разве нет? А потом Семен, ну папаша-то его, он что, по-твоему, не знает, что тут и мой интерес тоже?

– А знает?

– Ну, точно сказать не могу, как ты понимаешь, на эту тему я с ним особо не делюсь. Но догадываться он должен. Тем более что у меня от него особых секретов нету. Как-никак в одной упряжке болтаемся...

– Тот у вас сын полка, этот верный ваш пес, извините. А только папаша вон со мной через губу, а сынок без всякого зазрения совести цены сбивает...

– Ну да? – изумился Гуськов, и почему-то Игорь Кириллович ему не поверил, какая-то фальшь была в этой реакции генерала. «Знал, собака, про Толика, все знал!»

– А еще я слышал, – продолжил Игорь Кириллович, – будто за Толиком стоят какие-то чеченцы... Даже конкретно: вроде бы клан Исмаиловых... Вроде бы они взяли все Толиково дело в свои руки, а ему какие-то подачки отстегивают, чтобы особо не шумел, папашу не привлекал. И все довольны – и Толик, и папаша, и особенно – чеченцы...

– Ну это ты брось, брось! – решительно остановил его Гуськов. – Откуда чеченцы, какие чеченцы! Их после первой войны тут, у нас, почти не осталось.

И генерал, и Разумовский прекрасно знали, что это не так. Но Игорь Кириллович не стал спорить, только пожал неопределенно плечами.

– Дай бог, чтобы я ошибался.

– Вот я тебе и говорю, что тут ты точно ошибаешься. На кой чеченцам в эту вашу мебель лезть? Им нефть подавай, гостиницы... вообще что посерьезнее, и чтоб деньги – быстрые. А кстати, – вдруг спохватился он, – это какой Исмаилов? Не тот, который собирался в президенты баллотироваться?

– Брат его двоюродный, – угрюмовато сказал Игорь Кириллович. – У их тейпа в Москве очень сильные позиции...

Но генерал даже не дал ему договорить:

– Если у них такие сильные позиции, что ж ты мне раньше-то не сообщал? Если все так, как ты говоришь, давай оформи письменным отчетом – и прямо мне на стол. А я уж буду разбираться. Все у тебя?

Сволочь какая! И от ответа по существу ушел, и дал понять, чтобы помнил свое место. Кто ты, мол, есть-то? Информатор, стукач? Ну и не забывайся... Игорь Кириллович аж внутренне передернулся от отвращения и к самому себе, и к генералу.

– Нет, конечно, – ответил он на последний вопрос Гуськова, в одно и то же время коря себя за то, что терпит унижение, и понимая, что не может теперь уйти ни с чем. – Я ж вам сказал: у меня по двум, так сказать, ветвям подозрение... – Слукавил: – Но, может, я и правда в другой раз как-нибудь, я ж вижу, вам некогда. А, Владимир Андреич?

– Да что ты как целка! – возмутился генерал. – Главное, на «вы» сразу. Обиделся он, видите ли! Уйдет он! Ну и иди, и хрен с тобой! Ты что, все уже сказал, что хотел? Больше у тебя ко мне нету вопросов?

Игорь Кириллович энергично замотал головой.

– А раз есть – сиди и рассказывай, пока я тебя сам не попросил освободить помещение! Что за блядская манера за других угадывать! Надо было бы – я бы тебя сам попросил. Ты не обижайся, ты, наоборот, радуйся, мудило, что я к тебе с таким уважением!

– Я и радуюсь, – вздохнул Игорь Кириллович, не в силах дожидаться, когда придет конец генеральскому запалу.

– Ну давай, давай, что там у тебя еще накопилось.

– Даже не знаю, как рассказать... Опять скажете, что я раньше должен был сообщить...

– И скажу! Никто тебя от твоих обязательств не освобождал, между прочим, хоть ты теперь и бизнесмен, и вроде как мой приятель. – Посмотрел назидательно – знай, мол, отца-командира – он строг, но справедлив. – Так что там у тебя? Говори!

– Второе подозрение, Владимир Андреич, у меня связано с солнцевскими. На них грешу.

– Вот это уже, похоже, ближе к делу. Давай излагай.

Вот он и дождался своего мига. Сейчас он начнет осуществлять свой план – тот, который примерещился ему там, в офисе, когда он еще только обдумывал, как будет говорить с Гуськовым. План был сложноват, но осуществим, только все следовало делать очень аккуратно.

– Появился там у них новый пахан... Кличка Кент. Не знаю, слышали вы про него, нет ли. Если нет – не удивлюсь. Появился он недавно, откинулся после отсидки где-то под Свердловском...

– Екатеринбург, – машинально поправил генерал, поторопил заинтересованно: – Ну, ну, продолжай. Я весь внимание.

– Он вообще-то домушник, последняя ходка, как я знаю, за вооруженный разбой... Так вот, он не просто сюда заявился, так сказать, завоевывать столицу, тем более что по рождению он вроде как москвич. А приехал он с полномочиями от знаменитого Никона.

– Никона? Погоди, это какого Никона? Это который «Уралмаш»? Это не тот... не старый твой знакомец? Ну который тебя... – хотел сказать: короновал, но не сказал, воздержался.

– Он самый, – хмуρο выручил генерала Грант, и некая мгновенно поразившая его догадка, словно высветив в голове что-то очень важное, тут же исчезла, оставив внутри невнятный пока след...

– Но погоди, погоди, – недоуменно остановил его Гуськов. – Он же ведь сидит? Или я ошибаюсь?

– Он-то сидит, а шестерки его ездят... Вот одна такая шестерка, этот Кент, возник здесь и развил какую-то бурную деятельность. Чего хочет – то мне пока неизвестно. Знаю только, что намерения серьезные. Но судите сами – собрался Кент меня из смотрящих сместить. И без болтовни собрался, конкретно. И вообще, жмет последнее время со всех сторон... Так что предупреждаю, Владимир Андреевич, вот-вот дело до разборок дойдет, до большой войны.

– Это что – реально? – записывая что-то в свой блокнот, спросил генерал. – Или ты все-таки справишься?

– Да куда уж реальнее... Он даже в наш бизнес влезть собрался, решил обживаться по всем правилам. Я его раз отшил, два – он все лезет и лезет, сука, пакостит и пакостит... Вот я почему и подумал: а может, этот наезд – его рук дело? А тогда, думаю, вам обязательно надо знать, верно? Фигура новая, он еще кого-нибудь теснить начнет, так что возможны и еще переделки... всякие...

– А что братва? Поддерживает его?

– В том-то и дело, что братва солнцевская вся за него. Я с одним говорил, он объясняет: он, мол, наш, этот Кент, теперь вот, если мы через него еще с «Уралмашем» закорешуем, – дак мы таких дел наворочаем... в международном масштабе... Неужели его тормознуть нельзя, Владим Андреич?

– Это ты у меня спрашиваешь? – окрысился вдруг генерал. – Это я у тебя спрашивать должен, причем сейчас, когда еще не начались разборки, пока не потекла большая кровь! Какой ты, на хер, законник и авторитет, какой ты смотрящий, если ты ничем не управляешь, если от тебя ничего не зависит?! Мы тебя для чего короновали-то? Смотрящим делали? Чтобы ты руку на пульсе держал! Очень я тобой, братец, недоволен, незачет тебе. Знаешь, как в армии, там две оценки: зачет и незачет. Так вот тебе – незачет!

– Я, между прочим, в смотрящие не напрашивался, – огрызнулся Игорь Кириллович. – Вам надо было – вы меня и короновали, и смотрящим назначили. А мне это надо?

– Ах, тебе не надо! Не напрашивался он, видите ли! А мы тебя и не спрашивали! Как тогда тебя не спрашивал, так и сейчас спрашивать не буду! Назначили – значит, исполняй как следует быть! А ты, кроме своего бизнеса гребаного, знать ничего не хочешь! Не напрашивался он! Мне главное, чтобы ты на меня работал, а бизнес твой мне по барабану! – И, заметив его недоверчиво-насмешливый взгляд, добавил: – Ты что думаешь, я без твоих копеек не проживу?

«Ни черта себе, копейки! – возмутился про себя Игорь Кириллович. – Сколько же надо брать на лапу, сколько у него должно быть этих „копеек“, чтобы он мог вот так... презрительно... И ведь, похоже, правду говорит, сволочь!»

А генерал между тем все гнул свое:

– Ты свечки ставь каждый день богу, что на меня тогда нарвался! Другой бы, вместо того чтоб с тобой столько времени возиться, назначил бы тебе следствие да закатал бы за Можай – вот и весь твой бизнес был бы, и вышел бы ты лет через пять—семь с разорванной жопой. Да я, если хочешь, из тебя человека сделал – вон какой джентльмен. При деньгах, при почете, чего тебе еще? И за это всего-то навсего тебе иногда приходится делать то, о чем я тебя попрошу, да сообщать вовремя обо всех переменах в вашем криминальном мире... Вовремя, понимаешь?! А ты? Не напрашивался он, видите ли! Убей, не понимаю, чем ты еще недоволен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.